

[Polaris]

Василий
МАСЮТИН

ЦАРЕВНА НЕФРЕТ

Том II

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

CCLXXXVI

Salamandra P.V.V.

**Василий
МАСЮТИН**

ЦАРЕВНА НЕФРЕТ

Повесть в двух томах

Том II

Salamandra P.V.V.

Масютин В. Н.

Царевна Нефрет: Повесть в двух томах. Пер. с укр. и прим. Л. Панаевой. Илл. автора. Том II. — Б. м.: Salamandra P.V.V., 2018. — 130 с., илл. — (Polaris: Путешествия, приключения, фантастика. Вып. CCLXXXVI).

Пылкий и романтический немецкий египтолог Роберт Райт, разбирая папирусы в Берлинском музее, находит любовные стихи древнеегипетской царевны Нефрет. Зловещий наставник молодого ученого, профессор Стакен, считает их ничего не стоящими бреднями. Но Райт бросается в Египет на поиски гробницы Нефрет — что приводит к самым неожиданным откровениям и фантазмагорическим последствиям...

Фантастическая повесть известного художника, гравера и графика В. Н. Масютина (1884-1955), яркая страница в истории литературного Египта, многие десятилетия оставалась забытой и до самого недавнего времени никогда не издавалась на русском языке.

© L. Panaeva, перевод, прим., 2017

© Salamandra P.V.V., оформление, 2018

ЦАРЕВНА НЕФРЕТ

TOM II

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ЛЮБОВЬ

Чем ближе они подъезжали к Берлину, тем больше оживлялась Мэри. Она уже видела в воображении берлинские улицы, слышала их гул, представляла, как замечательно будет встретиться с приятельницами в кафе, как ее убаюкает еле слышная модная музыка... Какие постановки идут сейчас в театрах, какая новая песенка стала гвоздем сезона, под какие мелодии танцуют? И знакомые: их любопытные лица, взгляды украдкой — завистливые взгляды: как она выглядит после далекого «научного» путешествия? Все теперь знают о ней из газет... пусть не напрямую, непосредственно о ней, но всем известно, что она жена Райта и не бросила его в часы тяжелых испытаний... А он обязан ей жизнью...

В это время Райт думал о том, как будет распаковывать сундуки, раскладывать находки. Думал о своей новой жизни рядом с драгоценностями, с которыми так сжился. Вещи Нефрет займут отдельный зал. Он уже знал, какой. Если пересечь крыло египетской галереи — он находится справа.

А мумия? Нет, он не поместит ее в музейную экспозицию. Для посетителей она не так уж интересна; они и внимания на нее не обратят. Он оставит ее в своем кабинете. Действительно: глупое любопытство уличных зевак, бродящих по музею, может только оскорбить Нефрет. Он должен быть вместе с нею, должен видеть ее ежедневно.

Вот и Берлин. Знакомые лица. Ландсберг, отец Мэри, со своей молодой женой — Кэти Больм. Райт удивился: откуда

они взялись на вокзале? Пытливо взглянул на Мэри.

— Видишь ли... я телеграфировала, — тихо оправдывается Мэри.

Ландсберг представляет жену. Мэри отступает на шаг назад: это же ее подруга, почти ровесница. Мимолетное колебание — и она бросается на шею своей молодой мачехе. Кэти тоже взволнована, сжимает ее в объятиях и чуть подталкивает в сторону Райта. Подносит пальцы в новой перчатке, моргает густо подкрашенными глазами, кривит карминные губы и шутливо обращается к Райту:

— Хо-хо! я с вами буду очень сурова. У вас замечательная жена, ее следует уважать!..

И поворачивается к Ландсбергу, поглощенная своей новой тройной ролью — молодой жены, мачехи и супруги богатого промышленника.

В авто Мэри шепчет Райту:

— Однако же, она взяла папу в оборот!.. И крепко держит!..

*

Райту пришлось пойти с визитом к министру и навестить коллег. Беседы с чиновниками, интервью, телефонные разговоры, целая гора писем на столе.

Райт хочет сбросить с себя эту ношу и заявляет:

— Никого не принимаю и не даю никаких интервью дома. Для этого существуют официальные часы работы в музее.

В доме Райта появился молодой, очень корректный мужчина. Он должен приходить ежедневно в три часа дня, просматривать почту, обедать со своим шефом и его женой, отвечать на письма и советоваться с Райтом, если возникнут какие-либо сомнительные вопросы. Одним словом — личный секретарь.

По желанию Мэри дом Райтов был устроен на английский манер.

*

Вещи Нефрет хранились в отдаленном зале музея. К нему вел длинный, тускло освещенный коридор. Между окон тянулись барельефы, которые мало кто замечал: они изображали весеннюю любовь животных и рождение потомства осенью.

В кабинете директора на невысоком пьедестале стоял саркофаг Нефрет. На дверях, украшенных по бокам только что привезенными из Египта небольшими колоннами, висела картонка с небрежной надписью:

ДИРЕКТОР СТАКЕН

Лишь через несколько недель картонку заменили печатной табличкой в черной застекленной рамке:

ПРОФЕССОР Д-Р. РОБЕРТ РАЙТ

В тот день, когда повесили эту табличку, Райту показалось, что начинается новый этап его жизни и он может наконец стереть из памяти последние неприятные воспоминания, связанные со Стакеном. Но именно в тот день секретарь подал ему письмо. В нем говорилось, что Райт должен явиться в такой-то дом на такой-то улице... Письмо было от адвоката, а адрес — тот, по которому проживал Стакен.

Новость застала Райта врасплох. Он унаследовал научную коллекцию Стакена. В завещании имелось одно условие: за пять лет он должен был перевести и напечатать все до сих пор неизданные тексты. С этой целью Стакен завещал ему довольно значительную сумму.

Райт хорошо знал собрание Стакена: оно состояло исключительно из обрядовых текстов. Предстояла большая работа. Пять лет заниматься совершенно неинтересными материалами! Это означало — отречься от собственной научной деятельности. Несомненно, всевозможные Стакены и Пикоки сочтут это великой заслугой и станут осыпать его комплиментами. Доходы от изданий потекут в карманы, все научные библиотеки оформят заказы на новые книги...

Египет вошел в моду — вдруг вспомнили, что он существует. Египтом начали интересоваться даже люди, вообще не способные чем-либо интересоваться. Выполнив требование Стакена, Райт — согласно еще одному пункту завещания — получит в свои руки маленький домашний музей профессора, состоящий из отборнейших экспонатов.

*

В доме Стакена. Какие-то родственники, невзрачный молодой человек, благообразная дама, которая покачивает головой и немного напоминает старого профессора — все они оставляют неприятное впечатление и чем-то раздражают. О, и карлик тут как тут! Морщинистое лицо, раздутая голова и кривые ноги, — кого же он напоминает? Ах да, бога Беса. Карлик смотрит с лицемерной миной.

— Я отказываюсь от наследства. Я не возьму на себя издание папирусов профессора! — холодно произносит Райт.

Благообразная дама, кажется, собирается завести дружескую беседу. Молодой человек принимает исключительно деловой вид.

— Не пожелает ли музей приобрести собрание покойного профессора?

Он достает из портфеля пачку газетных вырезок, перебирает их и сразу начинает читать:

«Коллекция египетских рукописей, собранная профессором Стакеном, имеет чрезвычайную ценность. Было бы не-

простительно лишить Германию этого собрания, позволить ему оказаться за границей, в чужих руках...»

— Я это знаю, — перебивает Райт.

— Но вы как директор...

— Господин профессор! Прошу вас только подписать этот документ, — обращается к нему адвокат, подавая перо.

Райт подписывает.

— До свидания!

— Мое почтение!

*

История с завещанием Стакена получила широкую огласку. В нескольких газетах появились сообщения. Возникла тема для статей, криков, споров.

Мнения разделились. Одни говорили, что Райт обошелся с бедными родственниками покойного профессора как джентльмен, подарив им дорогостоящую коллекцию. Другие возражали: профессор Райт не имел права складывать с себя ответственность, доказательством чего является тот факт, что родня Стакена уже ищет за границей состоятельного покупателя. Отказ Райта вызывал критику еще и потому, что тем самым средства, предназначенные для издания текстов, отходили «Обществу исследований Египта», многолетним председателем которого был Стакен.

Одна весьма влиятельная газета высказала следующее мнение:

«Поведение профессора Райта попросту непонятно. Он даже не воспользовался случаем приобрести для музея известное своей ценностью собрание предшественника — нет, он пренебрег этой возможностью. Директор музея состоит на службе государства, и государство вправе требовать, чтобы он всегда стоял на страже государственных интересов. Согласно воле завещателя, все папирусы — после того, как профессор их опубликует — должны были перейти в собст-

венность музея. Если бы владелец собрания завещал его непосредственно музею, директор обязан был бы взять на себя работу, от которой сейчас отмахивается... Подобное положение дел не сулит ничего хорошего новоназначенному молодому директору...»

Пресса была не так уж несправедлива. Райту достаточно было бы ознакомиться с вырезками, вклеенными секретарем в отдельный альбом — и ему, как бы ни был он занят новой книгой, поневоле пришлось бы задуматься над многочисленными обвинениями.

Но Райт даже не взглянул на вырезки. А это и впрямь не сулило ничего хорошего новому молодому директору.

Райт объяснял свое назначение влиянием профессора Стакена. В должности были заинтересованы определенные лица, дали о себе знать подковерные конфликты. В конце концов без особых затруднений сошлись на кандидатуре Райта. Но сейчас, когда в прессе разгорелась полемика, давние страсти вспыхнули с новой силой.

*

Райт ежедневно присутствовал в музее, превзойдя даже учителя точностью и пунктуальностью. Посетителей, являвшихся к нему по различным делам, он принимал вне кабинета и беседовал с ними в смежном зале у окна. Говорил коротко, деловито, нервно. Любой посетитель должен был видеть, что имеет дело с перегруженным работой человеком и что директор с трудом высвободил для него время.

В свой кабинет Райт не впускал никого. Изредка заходил в зал, где были размещены вещи Нефрет. Туда также никто не допускался, и никто не тревожил их покой.

*

К Райту пришел его первый издатель и завел дружеский, непринужденный разговор об издательских делах. Но у Райта не было желания вести разговоры. Он отвечал резкостями. Издатель смутился, не смог попасть в тон и в ярости распрощался.

Нервно застегивая на лестнице пуговицы нового пальто, издатель бормотал себе под нос:

— Подожди же! Свежеиспеченное светило! Не дорос еще показывать зубы! Видно, ты уже забыл, кому обязан известностью... Погоди, посмотрим!

Через несколько дней он узнал, что Райт готовит новую книгу. Издатель написал Райту крайне уважительное письмо с предложением прекрасного гонорара. Райт поручил секретарю ответить, что профессор уже ведет переговоры с другими издателями — ответить коротко, сухо, без всяких «мне очень жаль» или «к сожалению...»

У Райта действительно появился другой издатель; точнее говоря, он нашел фирму, готовую опубликовать книгу за счет автора. Это было не очень известное научное издательство престарелого Альберта Крулля. В свое время Круль и сам написал две популярные и не слишком содержательные книги о Египте. Издатель очень обрадовался предложению Райта, гордясь тем, что его соратником стал такой знаменитый ученый. Если бы кто-то сказал Круллю, что он, в сущности, не издает, а просто принимает на склад готовую чужую книгу, он бы смертельно обиделся. То, что Райт обратился именно к нему, а не в крупные, солидные издательства, служило для него доказательством общности их научного труда.

*

Мэри весьма гордилась положением мужа и очень волновалась, читая статьи о нем в прессе. Хотя Райт не делился с ней своими планами, на все вопросы у нее был готовый ответ:

— Мой муж пишет биографию Нефрет.

Кем была эта Нефрет — Мэри точно не знала, но умела произвести впечатление гладкими фразами и уверенно рассказывала об исследовании мужа.

— Нефрет, как вам, вероятно, известно, была дочерью царя и знаменитой поэтессой. Профессор Райт, мой муж, собрал целую папку ее замечательных стихов. По правде сказать, стихи эти не совсем приличны: у поэтессы из царского рода было немало общего с Клеопатрой. Любовников она меняла, как чулки. Наконец один из них не вытерпел ее измены и убил ее. Задушил подушкой. Это была очень оригинальная смерть...

Но если даже Мэри что-нибудь придумывала или искажала, чтобы придать своему рассказу романтическое очарование, ее трудно было в этом винить. Стоило ей заговорить с Райтом о Нефрет, как он начинал смотреть в сторону и отвечал на ее вопросы уклончиво, как будто жизнь царевны была чем-то недоступным для понимания его белокурой жены.

Жизнеописание Нефрет в интерпретации Мэри распространилось в обществе и имело необыкновенный успех. В одном журнале появилась большая псевдонаучная статья о египетской царевне, проиллюстрированная несколькими снимками статуи Нефрет и фотографиями ряда предметов, выставленных в музее.

Райт бросил один взгляд на журнал и сказал:

— Идиоты!

Мэри покраснела; она нарочно положила журнал на видное место, чтобы сделать мужу сюрприз.

— Не представляю, что творится в голове у автора этой статьи...

— Но, — замялась Мэри, — разве ты не помнишь, что сам читал мне стихи Нефрет и там было что-то в этом роде...

— Эх! что ты в этом понимаешь! — с волнением ответил Райт и вышел из комнаты.

Это было уже оскорбление.

Мэри схватила журнал, швырнула его куда-то в угол гостиной и с тех пор коротко отвечала всем, что ничего не знает о Нефрет.

*

Мэри и Кэти были когда-то приятельницами, но теперь, когда Кэти стала мачехой Мэри, их отношения совершенно изменились. Мэри все время казалось, что отец остался ей что-то должен. Дела Ландсберга шли превосходно, а его высокомерный вид был лучшей рекламой финансовых успехов. Он помолодел, начал носить яркие галстуки и порой даже позволял себе острить — правда, не совсем удачно.

Вилла Ландсберга в Грюнвальде вновь ожила. Многочисленные гости видели, как счастлив ее владелец и как молодая жена заботится о нем, забывая обо всем на свете. Всем своим поведением Ландсберг намеренно подчеркивал чувства к молодой женушке.

Мэри посещала отца довольно часто, хотя ей трудно было привыкнуть к чужим людям, которые приходили сюда лишь с целью покрасоваться и осмотреть обстановку. Ее раздражало чересчур свободное обращение отца с Кэти, против чего ей, как дочери, подобало бы возражать. Действовала на нервы и новая привычка отца хвалиться своим широким и отборным кругом знакомств — между прочим, совсем не таким, какой следовало бы заводить.

Кэти, похоже, даже не заметила отчужденности Мэри и зазывала ее к себе, беседуя с нею покровительственным тоном, усвоенным вместе с положением мачехи.

При этом она неустанно следила за падчерицей: отец не должен был надолго оставаться наедине с дочерью.

Как-то Мэри зашла в кабинет отца. Он сидел в кресле. При появлении дочери с его лица сползла безмятежная улыбка; он знал, что Мэри явилась к нему с упреками. В другой комнате Кэти занимала гостей, пришедших на танцы.

Мэри положила руку на подлокотник кресла и начала:

— Папа! скажи, что ты, собственно, наделал?!..

В эту минуту вошла Кэти и сладко промурлыкала:

— А мы тебя всюду ищем...

Взяла ее под руку и потянула за собой к гостям.

Ландсберг пугался дочери и сам старался, чтобы кто-то всегда был рядом, когда она приходила в гости. После сцены в кабинете он прямо заявил жене:

— У нее невозможный характер!

*

Каждые два месяца дом Райта наполнялся гостями. Все было так, как когда-то представляла себе Мэри. Фамилии некоторых приглашенных можно было произносить с понятной гордостью: одни были известны всему Берлину, другие всей Европе, а третьи, возможно, и всему миру.

Общество разбивалось на маленькие кружки. Шли беседы на необыкновенно важные темы. На приемы Мэри надевала глубоко декольтированные платья, хвастаясь своими действительно великолепными плечами. Она переходила от одной группки к другой, в качестве хозяйки говорила всем и каждому какие-нибудь вежливые слова и поддерживала, если требовалось, утасующую беседу. Она обладала чисто женским талантом умело обходить подводные скалы, о которые могла разбиться — не понимая при этом обсуждаемой проблемы. Она затрагивала даже такие темы, что приводили мужчин в замешательство, и потихоньку втягивала в разговор посвященных.

Ученые и художники отвечали на ее вопросы не из одной только светской вежливости, но словно считали ее равной себе. Она оказывалась то в углу, то в центре гостиной, сновала от дивана к креслам и всюду бросала какие-нибудь фразы, призванные доказать ее интеллигентность. Флюгер на ветру не умеет лучше крутиться во все стороны, чем подобные женщины.

Райт чувствовал себя в собственном доме чужим. Он и раньше не любил широкого общества, избегал салонов, где собирались шумные гости. Теперь он отвечал на все вопросы лишь несколькими сухими и самыми необходимыми фразами. Ни один кружок гостей не пробуждал у него живого любопытства. Он вел себя так, как если бы все, что интересовало собравшихся в доме гостей, не стоило его внимания — и точно так же обходил вниманием все, чем жили его современники.

Учтивая, корректная и свободная манера держаться с людьми досталась ему в наследство от прежнего Райта — Райта тех времен, когда его еще не околдовал мир прошлого. Для людей из своего окружения у него были припасены готовые, шаблонные фразы; он со всеми обращался с одинаковой вежливостью, казавшейся каждому гостю предназначенной исключительно для него. И хотя он встречал гостей с приветливостью хорошо воспитанного светского человека — его душа и образ мыслей были совсем иными. То было царство, доступное в нашу эпоху, пожалуй, только ему одному — и остававшееся для всех остальных далеким и таинственным. Он держался как-то в стороне от всего, словно не принадлежал к реальному миру с его важными делами. Но это не обесцвечивало Райта, напротив — еще отчетливее подчеркивало свойства его личности.

Когда хозяин дома, неизменно спокойный и любезный, машинально прохаживался по комнатам, не один гость ощущал в нем дарование, способное ко многим великим свершениям.

Мэри обратила внимание на некоторые странные черты, проявившиеся в характере мужа; они раздражали и огорчали ее. Но так случилось лишь в краткие минуты задумчивости. Она была всецело занята обустройством дома и хозяйство отнимало у нее так много энергии, что ей было не до анализа своих чувств.

Секретарь Райта подражал шефу и, как новую одежду, перенял его манеры. Он отвечал кратко и сухо, стараясь придать лицу деловитую холодность, точно был поглощен высшими материями.

О его личной жизни никто ничего не знал ни в музее, ни в доме Райта. Он приходил в три часа дня и уходил в девять вечера — вот и все, что о нем можно было сказать. По мнению Мэри, он был человеком скучным. Однажды в приливе дружеских чувств она призналась Кэти, что секретарь производит на нее впечатление одного из тех бездельных фланеров, что с молчаливой гордостью бродят по универсальным магазинам, свысока поглядывая на публику и продавцов.

— Он даже не обращает на меня внимания, — случайно вырвалось у нее.

Кэти заинтересовалась таинственным секретарем. Свободного времени у нее было много и она не знала, на что его употребить. Ей казалось, что в почтительно-каменных глазах молодого ученого играют чертики, которых она сможет пробудить. Танцевать-то он должен уметь — в наше время все танцуют, молодые и старые.

Мэри вскоре заметила, что Кэти начала все чаще ее навещать, а секретарь Райта — все чаще становиться темой их бесед. В присутствии секретаря Мэри не упускала случая подшутить над ним.

У нее был свой метод. Когда все сидели за чаем, Кэти откусывала кусочек булки или пирожного, с минуту держала его в губах, будто позабыв о еде, и блестящими глазами всматривалась в соседа напротив.

Мэри выводила из себя эта комедия. Как-то она не сдержалась:

— Ты должна стать артисткой кино... У тебя такие фотогеничные глаза...

— Мне нужен лишь партнер, который соответствовал бы моему вкусу, — преспокойно отвечала Кэти, улыбаясь секретарю.

Секретарь пытливо взглянул на нее, как будто наконец понял.

Так развлекались две молодые женщины, чьи мужья были заняты серьезными делами, неподходящими для будничных разговоров с женами.

*

Райт выполнил обещание и дал Мэри почитать свою рукопись, где рассказывалась история Нефрет. История Мэри понравилась, но вновь расспрашивать мужа о стихах царевны она не решилась.

— Одного не понимаю. У всех людей, упомянутых в книге, есть имена. Неужели священник, которого ты называешь просто провидцем или жрецом, так и остался безымянным?

На этот единственный вопрос Райт ничего не ответил.

*

В музей освободили большой зал и перенесли туда все драгоценные вещи Нефрет. Подготовка экспозиции стала событием дня и темой разговоров в обществе.

Райт расположил находки так, что зал походил на жилые покои. Посетителю могло показаться, что хозяйка дома отошла на минутку в заднюю комнату и скоро вернется. Роспись и украшения на стенах в точности соответствовали историческим данным.

Райт помнил покои Нефрет не менее живо, чем Сатми. Воспроизводя действительность, ему удалось уловить то неясное, без чего всякая реконструкция, даже самая достоверная, неизбежно выглядит искусственной. Для истинно достоверного воспроизведения недостаточно одних научных наблюдений и изучения собранного материала, требуется что-то большее — нечто неуловимое.

Разумеется, сейчас же нашлись критики, которые начали порицать такой подход к музейному собранию.

— Это напоминает паноптикум, — говорили они.

— По крайней мере, любители красивых вещей смогут ими любоваться, — считали другие.

Каждый судил на основе собственного вкуса, но результат был одинаков — мало кто из публики понимал новизну подобного подхода к памятникам старины.

Идея Райта была оригинальна и на практике с большой точностью отражала роль собранных предметов в повседневной жизни египтян.

Известие о скором выходе в свет новой книги Райта вызвало широкий интерес, лишь подтвердивший весомость работы молодого ученого. Все говорили, что успех книге обеспечен.

Когда книга очутилась на полках магазинов, ее встретили не менее оживленно, чем отдельный зал Нефрет в музее. Даже широкая публика охотно читала сочинение Райта, однако ученые пожимали плечами: «беллетристика».

К слову: они были правы. После блестящего, почти научного описания усыпальницы следовал рассказ о судьбе Нефрет. Да, эта новелла говорила о поэтическом таланте автора. Лирики и фантазии — хоть отбавляй. Но где же здесь наука?

Стихи Нефрет обладали безусловной ценностью. Замечательные репродукции создавали полное впечатление оригиналов: читатель мог подумать, что перед ним древнеегипетские манускрипты. Критики признавали, что песни цариц были не лишены известной нежности, но указывали, что в переводах Райт отклонился от оригинальных текстов. Некоторые критики приводили свои переводы, доказывая, что они более точны.

Больше всего нападков и возражений вызвала история со знахарем. Ее сочли чистейшим вымыслом и полной бессмыслицей; по мнению ученых, ей вообще было не место в книге. А длинный перечень всевозможных талисманов и подробное описание колдовского обряда — да это не что иное, как глумление над наукой!

Зато у публики книга шла нарасхват. Новый издатель Райта — Круль — заявил, что «Царевна Нефрет» не сходит с типографского станка. Первое издание уже распродано, и в печать сразу же пошло второе.

Маленькая лавка издательства на забытой улочке начала приносить доход, о каком владелец не мог даже и мечтать. Книга Райта потянула за собой другие издания, посвященные Египту, включая большую египетскую грамматику, долгие годы пролежавшую на складе замороженным капиталом.

*

Ко всем критическим атакам и нападкам на себя и свою книгу Райт относился с таким равнодушием, что его коллеги начали возмущаться. Не означает ли это молчание пред лицом многочисленных упреков утрату всякого уважения к себе? Если история со знахарем и в самом деле не поэтическая выдумка, а исторический факт, то его необходимо доказать научно и Райт обязан это сделать! Ученый в звании профессора не может позволить себе сенсационные писания... «Другой вопрос, что в республиканской Германии можно достаточно легко добиться профессорского положения...» — злобно бормотали старые профессора времен Вильгельма.

Райт отмалчивался и продолжал пунктуально являться в свой кабинет.

На его рабочем столе, придвинутом к окну, лежали под стеклянным колпаком высушенные цветы, найденные на пьедестале статуи Нефрет.

В один прекрасный день Мэри взяла их себе.

*

Райт завершил работу, которую считал целью всей жизни. Отныне Нефрет жила в сознании людей. Она уже не была безвестной египетской царевной, но созданием из плоти и крови, наделенным душой, радостями и горестями. Ее

помнили как царевну, пережившую безграничное счастье взаимной любви и ужасные минуты безвременной смерти, которой она могла и сумела взглянуть в глаза.

Теперь ее знали тысячи живых. Ведь даже когда поэт создает вымышленного человека, существующего лишь в его воображении — он и то кажется наполовину живым.

Некоторые люди часто напоминают нам тех или иных литературных героев. И тысячи читателей книги Райта искали среди современниц нежный облик царевны Нефрет, ее бледное лицо, обрамленное черными волосами, беспокойный взгляд и мягкие губы, словно ждущие поцелуев.

*

Любые сенсации люди непременно топят в болоте обыденщины. Так произошло и с Нефрет — и всем, что было связано с ее именем.

Различные фирмы стали копировать узоры на предметах обихода и украшения царевны, выставленные на публичный показ, и использовали их при всяком удобном и неудобном случае. Среди европейской публики воцарилась мода на Египет. Даже французы забыли свою давнюю враждебность к Египту и примирились с ним благодаря улыбке таинственной царевны.

Париж был увлечен новым открытием. Один из директоров парфюмерной фирмы «Убиган» приехал к Райту и выпросил у него комочек какой-то душистой мази, чтобы после написать в рекламе: «Наша фирма раскрыла секрет красоты. Крем “Нефрет” составлен по рецепту профессора Леруа, который подверг химическому анализу оригинальную мазь египетской царевны, тысячи лет сохранявшую свежесть... В нашем креме — тайна вечной красоты...»

Моду на стрижку «бубикопф» сменила своеобразная прическа по образцу Нефрет: сильно завитые кудри, напоминающие гриву английских пони, и пробор посередине

головы.

Платья этого сезона были прямыми и выглядели так, словно были сшиты из длинных полос, в какие заворачивали мумии. Женщинам нелегко было передвигаться в этих узких футлярах, но на что не пойдут женщины ради искусства, когда оно называется модой?

Модны стали и удлиненные глаза — с помощью цветных карандашей рисовали стрелки, доходившие почти до висков. В Германии, где с давних пор сильна была склонность к декоративности, повсюду можно было встретить египетские мотивы, пирамиды, обелиски, сфинксов — весь реквизит египетского исторического архива.

*

Вся эта волна безвкусной имитации даже не докатилась до Райта. Он не замечал взбаламученного ила обыденности — его взор был устремлен в даль. С Мэри он не обсуждал подобные темы; защищая свой внутренний мир, он давно приобрел удобную привычку говорить с нею только о маловажных, будничных делах.

Мэри видела в этом признак возвращения Райта к нормальной жизни и чувствовала себя почти счастливой.

Путешествия в прошлое, так мучившие Райта со времени возвращения из Египта, обрели теперь новую форму: его духовная жизнь начала раздваиваться. В часы работы в музее воскресал Сатми. Любой визит, каждый посторонний разговор с посетителем вызывал тогда у Райта чуть ли не физические страдания. И всякий раз ему приходилось делать над собой усилие, чтобы преодолеть страшную пропасть времени между древностью, где он пребывал, и современностью.

Нападки на главу, где была обрисована роль знахаря, сказались на его переживаниях. Он, явственно помнивший все, как очевидец — сам не знал, как к этому относиться. Он

был человеком двадцатого века и разделял предрассудки современников. Предрассудки? А как их иначе назвать? Но что, если мумия Нефрет ничем не отличается от сотен обычных мумий, лишенных органов, совершенно высохших и полых внутри?

*

Стремясь развеять сомнения, Райт вооружился скальпелем. Разрезал материю, обвивавшую ступню Нефрет, и добрался до тела. Кожа имела красноватый оттенок, тело было сухим и твердым.

Вошел служитель, помешав ему в работе.

— Господин профессор желает остаться в музее? Уже четыре часа.

Райт сидел, сжимая руками поседевшие виски.

О чем он думал в эту минуту? Ему трудно было бы ответить. Так, должно быть, ждут смертного приговора преступники. Все пропало — жизнь больше не имела никакого смысла.

Ужасное чувство.

Райт вышел. На Унтер-ден-Линден зашел в какое-то кафе и велел подать себе коньяку — да, пускай принесут целую бутылку, кто знает, сколько ему захочется выпить. После нескольких рюмок, выпитых одна за другой, ему стало легче. Он вытянул ноги перед собой, испытывая даже некоторое удовольствие.

На улице темнело, сочилась промозглая морось. Было приятно сидеть здесь и наблюдать за людьми, неизвестно зачем спешившими по своим делам.

*

Профессор Пикок прислал Райту письмо по поводу его последней книги. Письмо было вежливым, пересыпанным похвалами; однако Пикок также счел своим долгом признаться, что книга местами его разочаровала. Он отмечал солидный объем знаний Райта и добросовестность, с какой тот описывал обнаруженные памятники старины. История жизни Нефрет — любопытна и вполне убедительна. Но Пикок «решительно отказывался принять фантастические и, простите меня за искренность, непросительно легкомысленные выводы последней главы...»

Далее следовали подробные аргументы.

«Прежде всего, меня поразило Ваше отношение к магии. Музеи располагают большим количеством мумий и многие из них давно исследованы — разными методами и различными учеными. Следует признать тот факт, что до сих пор исследователи не обнаружили ни малейшего следа тех магических обрядов и таинственных методов консервации тела, о которых Вы пишете. Неужели Вы действительно верите, что в случае Нефрет имел место совершенно иной обряд и ее мумия, найденная Вами — единственная в своем роде, не похожая на другие?

Прочие детали нельзя назвать точными, не имея достаточно доказательного материала. Понятно, что их можно объяснить переживаниями действующих лиц, но это уже не является предметом дискуссии. Художник волен воспроизводить образы прошлого силой своего воображения и способен придать им все признаки достоверности, но роль ученого совсем иная: ученый обязан все свои утверждения поддерживать доказательствами, фактами. Я приветствовал бы разносторонность Ваших дарований, превратись Ваша фантазия в настоящий роман или поэму; с другой стороны, я должен по-дружески предостеречь вас от каких-либо фантастических допущений в области научных исследований.

Мой незабвенный друг, лорд К., отзывался о Вас с большой симпатией, а я и без того питаю к Вам большую, искреннюю привязанность...»

Райт, задумавшись, идет по Фридрихштрассе. То и дело рассеянно останавливается у витрин магазинов. Из толпы долетают возгласы уличного торговца, который что-то расхваливает. В нескольких шагах еще один, и еще — каждый со своим товаром.

Публика обходит их, некоторые на мгновение останавливаются, будто раздумывая, стоит ли повернуть голову.

В сторонке, поодаль от толпы, стоит какой-то старик в темных очках и запыленной твердой шляпе. Перед ним на тротуаре расставлен складной столик. Плащ на бедняге вытерся по краям и у карманов, кое-где заштопан черными нитками. Дыры, дыры... Пуговицы все на месте, но разной величины и цвета.

Никто не останавливается перед мрачным, полуслепым старцем. На столике стоит какая-то банка, лежат несколько пар ботинок. В каждой паре — один ботинок потертый и сморщенный, второй темнее и выглядит новехоньким.

Почему Райт остановился именно перед этим человеком? Он был ему так же безразличен, как и все остальные — его ничуть не заинтересовало ни лицо, ни товар торговца. Но нужно же было на что-то отвлечься... С самого утра Райт пребывал в меланхолии и решил, что лучший способ рассеяться — погулять по улицам, окунуться в гущу городской жизни. Здесь на каждом шагу ждет новое впечатление; может, он избавится наконец от непрерывных мыслей о мумии. В уличной толпе он хотя бы не слышал издевательский голос директора музея из Каира, постоянно кричавший: «Трупокрады!»

Старик поднял вверх клочок кожи и опустил его в банку. Это спокойное механическое движение словно погрузило Райта в гипнотическое состояние.

«Раз» — и клочок опускается вниз; «два» — он выныривает, такой же грязный, но покрытый какими-то каплями... «Раз — два» — и забава повторяется.

Старик кивает головой. На шее у него повязан грубый шарф, вылинявший, как и остальные предметы одежды. Видимо, движение головы мало-помалу наделяет его красноречием:

«Благодаря нашему изобретению старая кожа становится гладкой и эластичной. Наше изобретение позволяет носить одну и ту же пару ботинок вдвое, втрое, в десять раз дольше обычного. Старая резина восстанавливается, старая кожа...»

— Послушайте, сударь... Зачем вы так нервно жестикулируете? Вы понапрасну тратите силы. Честно говоря, на это неприятно глядеть. Вы отгоняете от себя клиентов. Итак, старая кожа, говорите...

— Не только кожа, но и многое другое... Прошу приглядеться поближе.

Старик начал доставать из карманов всевозможные предметы. В его на удивление красной руке появился сухой древесный листок, растрепанное перо, обрывок веревки. Затем он достал какую-то коробку и положил листок внутрь.

— У господина найдется пять минут?

Райту хотелось ответить, что сегодня у него найдется и пять часов, но вместо ответа он соорудил равнодушную гримасу.

— Я не могу выдержать конкуренцию со всеми этими крикунами, — старик показал на торговцев вокруг. — Что только они не продают!... Но мое изобретение — собственное, оригинальное. Пусть господа химики изобретают, что хотят и зарабатывают на этом огромные деньги. Уверяю вас, дорогой сударь, что мое средство ничуть не хуже их великих изобретений. Я даже не завидую их доходам. Мне достаточно знать, что я изобрел вещество, которое не удалось создать ни одной ученой голове. Суть в том, господин мой, что мы оба живем и все окружающее нас живет. А отсюда уже следует, что все стареет и умирает, не так ли? Вот видите... Пока ученые профессора становились великими и знаменитыми, я тоже засел за химию. Может, некрасиво так говорить и вы мне, бедному старику с улицы, вовсе не поверите, но должен вам откровенно сказать — все, что знают

наши ученые, у меня в кармане. И если понадобится, я готов с любым из них прямо сейчас помериться силами. Пусть печатают свои фотографии в газетах, празднуют свои юбилеи, а я живу тихо, без рекламы и делаю свою работу. Я уже создал одно изобретение, сударь, но эта проклятая война меня доконала. Не откажитесь обратить внимание...

Старик приподнял полу плаща. Райт заметил, что он сунул в коробку руку, на которой была надета резиновая перчатка.

— Сейчас увидим.

И двумя пальцами извлек свежий зеленый листок.

— «Фокусник, должно быть...» — подумал Райт и невольно вспомнил засохшие цветы на саркофаге Нефрет. И цветы из погребального венка на своем столе, всякий раз напоминавшие ему о последнем прощании Сатми.

— Вы позволите мне посетить вас на дому?

Старик не сразу ответил. Он теребил кусок уже высохшей кожи.

Райт осторожно взял его за плечи.

— Я не хочу выведать вашу тайну, а если и узнаю, обещаю хранить все в секрете. Не могли бы вы помочь мне в деле, которое и вас интересует?

— Моя фамилия Кранц. Адрес — улица Шнефельдер 98, во дворе, третий этаж. Звонка на двери нет, вам придется стучать. Я буду дома завтра и послезавтра, а также вечером в субботу и в воскресенье. Могу я узнать, с кем имею честь?

— Профессор Роберт Райт.

— Вы химик?

— Нет, египтолог.

— Значит, завтра или послезавтра... буду ждать...

И старик снова опустил в банку кусочек кожи.

*

Мэри была занята подготовкой к домашнему концерту. Нужно было разослать пригласительные билеты, кое-кому

послать отдельное письменное приглашение с просьбой не отказаться прийти.

Больше всего ее беспокоил исполнитель. Знаменитый виолончелист не привык считаться с публикой; если его слушали недостаточно внимательно, он начинал нервничать и делал слушателям замечания, которые могли обидеть гостей. Мэри знала, что если ее гости не захотят считаться с капризами артиста или чем-либо его заденут, он возьмет свой инструмент под мышку — и тогда уже никакая сила его не вернет.

Самолюбие творческих людей также доставляло хозяйке немало тревог. Одни не были уверены, что придут, другие не скрывали иронии по отношению к зарвавшемуся музыканту, третьим не стоило заранее говорить, кто именно выступит с концертом. Главная сложность состояла в том, что нельзя было обойти приглашением никого из «великих» — а о виолончелисте говорил весь модный Берлин. Только Райт никогда не слышал его фамилии и ни разу не заметил афиш его концертов.

Для подобного званого вечера хозяйке нужно было новое платье — и не просто платье. Кэти уже заявила, что собирается ослепить общество каким-то новым «чудом», сотворенным недавно открытой ею портнихой: та обладала безукоризненным вкусом.

Концерт был назначен на вечер воскресенья. Райт сперва не возражал, но с вечера пятницы почти ничего не отвечал, когда Мэри заговаривала о концерте. Последние приглашения ей пришлось рассылать от своего имени: Райта не было дома и подписать письма было больше никому. В субботу вечером Райт вышел раньше обычного и вернулся очень поздно, когда Мэри уже лежала в постели. Он был, видимо, сильно взволнован: слышно было, как он в кабинете открывал ящики, перебирал бумаги и что-то переставлял. Все это напоминало незабываемую ночь в Каире, когда произошел случай с зеркалом.

Мэри уснула. Проснувшись, увидела свет в кабинете мужа — дверь была приотворена. Она села на постели и заглянула в соседнюю комнату. Райт не работал и неподвижно

сидел за письменным столом. Его голова чуть склонилась набок в кресле, глаза смотрели куда-то в пространство, как будто все, что было вокруг, перестало для него существовать.

Мэри испуганно позвала мужа. Райт вздрогнул, встал и подошел к жене. Она спросила, что с ним, но он не ответил ни слова — только начал поспешно раздеваться и лег с выражением страшной усталости на лице.

Ранним утром, когда Мэри еще спала, Райт тихо вышел из дома, чего никогда не делал по воскресеньям или в праздничные дни.

*

Райт отсутствовал долго, вернулся в полдень и выглядел совершенно спокойным, даже энергичным. Когда Мэри напомнила ему о вечернем концерте и гостях, он на минуту оживился, словно званый вечер его заинтересовал, но вдруг заговорил совсем иначе. Видно было, что назначенный концерт мешает ему, тяготит, как что-то неприятное и лишнее.

Когда Мэри заметила, что он сам согласился и в последнюю минуту невозможно отозвать приглашения, Райт машинально ответил:

— Да-да, конечно...

На его губах блуждала непонятная рассеянная улыбка.

Затем он заперся в своем кабинете и просидел там за работой до самого вечера.

Мэри решила пообедать чуть раньше и уже надела новое вечернее платье, в котором собиралась принимать гостей. Ей хотелось обратить на себя внимание Райта, втянуть его в разговор, немного расшевелить мужа.

По воскресеньям у них было заведено обедать вдвоем и Мэри ценила это уединение. Когда рядом не было посторонних, Райт вел себя естественней и не проявлял так раз-

дражавшей ее нервозности.

Но в тот день он был не похож на себя. Мэри попробовала было заинтересовать его разговором на разные темы, однако почувствовала, что все ее попытки напрасны. Они молчали.

Первым из гостей, даже чуть раньше назначенного часа, пришел профессор Ларсен. Это был всесторонне образованный человек, знаток музыки и «друг» Райта — если кого-либо вообще можно было назвать другом молодого египтолога, который уже давно сам никого не принимал и не посещал.

Впрочем, Ларсен мог весь вечер занимать Райта. Дверь кабинета мужа была чуть приоткрыта. Что там так долго делал Райт? Мэри не отличалась любопытством и не имела привычки следить за работой Райта, и сейчас в кабинет ее привело лишь беспокойство о его физическом и душевном состоянии.

Не столько разум, сколько сердце напомнило ей жуткую сцену в Египте, когда его нашли без сознания в глубинах усыпальницы, его почти безумный поступок. Письменный стол был в образцовом порядке. Ничто не указывало, что Райт был занят какой-либо работой. Книги и рукописи, сложенные аккуратней обычного, лежали стопками справа и слева — Райт не отказался от юношеской привычки самому прибираться на столе. Неужели он провел весь день в кабинете, всего-навсего наводя порядок?

На столе рядом с чернильницей стоял граненый флакончик с водой, а в нем — голубой цветок с острыми листьями, которого Мэри раньше не видела. Мэри поддалась чисто женскому порыву и, не задумываясь, прикрепила цветок к платью. Если этот символ нежного чувства предназначался для какой-то неизвестной соперницы, цветок станет маленькой безобидной мстостью за уже случившуюся измену или предупредит бесчестное намерение мужа. Мысль об измене колола ее, как могли бы уколоть эти остренькие листья... А если цветок оказался здесь случайно, Райт наверняка не будет иметь ничего против того, что она придаст своему платью слегка экзотический вид с помощью та-

кого украшения. И действительно, цветок был словно нарочно подобран в тон серебристо-синей ткани.

Райт приятно проводил время, беседуя с профессором Ларсеном. Мэри вышла встречать первых гостей.

Внезапно Райт вскочил с места. Выражение его лица странно изменилось. Он быстро подошел к жене и схватил ее за руку. Видно было, как судорожно дергались его губы, как брови дрожали от волнения. Он молниеносно сорвал цветок с платья Мэри — рванул так сильно, что вместе со стеблем отскочила и булавка. Другой рукой до боли сжал руку Мэри. Она легонько вскрикнула.

Не говоря ни слова, Райт направился в кабинет и поставил цветок в воду. Профессор Ларсен смотрел на эту сцену, как зачарованный. Мэри была так испугана, что не успела заплакать от боли.

Не было времени обращаться за разъяснениями, нельзя было делать несчастное лицо — дверь постоянно открывалась, входили все новые гости. Хозяева вынуждены были обмениваться с ними вежливыми словами, не имея возможности даже взглянуть в глаза друг другу.

*

В понедельник утром, одеваясь и собираясь уйти, Райт сказал Мэри:

— Прости мне вчерашнюю грубость. Я не мог иначе...

Странное оправдание! Мэри не осмелилась спросить, как это понимать. Она испытывала сочувствие к мужу, хотя не смогла бы объяснить, почему. А когда он вышел — ощутила сочувствие к самой себе.

Райт отнес цветок в музей.

*

В понедельник старик Кранц стоял на Фридрихштрассе и окунал старый сморщенный кусок кожи в жидкость неопределенного цвета.

Райт подошел к нему:

— Можете прервать свою рекламу? Я заплачу вам за потраченное время. Давайте отойдем в сторонку, у меня к вам дело.

Изобретатель-самоучка с радостью согласился.

— С вашей помощью, господин Кранц, я хотел бы провести один эксперимент. Выслушайте меня внимательно... вы можете вернуть человеческому телу, мертвому, высохшему телу, его прижизненную свежесть? По вашему мнению, возможно ли проделать это с мумией? Речь идет о довольно-таки специфическом случае. Я был бы весьма благодарен за ваше согласие им заняться... Понятно, что за свой труд вы получите соответствующий гонорар.

— В прошлый раз вы сказали, что цветку, который вы принесли, три тысячи лет и что вы нашли его в какой-то египетской пирамиде?

— Точнее, в египетской гробнице. Я нашел его в саркофаге той самой мумии, с которой хотел бы провести наш совместный эксперимент. Это совершенно исключительная мумия...

— Я понимаю... Я читал, что мумии клали в щелок.

— Данная мумия — особенная. Процедура была другая. Ее высушили, совсем как тот цветок, которому вы вернули свежесть.

— Я еще никогда не имел дела с мумиями, господин профессор.

— Я вам верю, но мне кажется, что мое предложение не выходит за рамки ваших экспериментов.

— На это потребуется некоторое время...

— Ваше время и все необходимые материалы будут щедро оплачены. Вы назовете свою цену и вопрос будет решен.

Старик помедлил, словно раздумывая, стоит ли брать на себя такое ответственное дело.

— Все это надо очень подробно и спокойно обсудить...

Райт остановил такси и пригласил старика в машину. Они сели на заднее сиденье и уехали.

*

Во вторник утром к музею подъехало авто. В машину погрузили продолговатый предмет, напоминавший завернутую в полотно колонну. Райт велел расположить этот предмет рядом с собой и осторожно придерживал его руками.

Жилище химика напоминало потайную пещеру контрабандистов. Двор — узкая каминная труба. Изобретатель занимал три комнаты, по всей видимости, отрезанные от большой квартиры. Входная дверь запиралась на цепь, с которой свисал бесформенный кусок железа.

Из коридора шел крепкий запах каких-то корней, из кухни пахло застоявшимся и прокисшим отваром — судя по всему, тем же зельем, что побулькивало в банке старика. Комнатка, где Кранц принимал гостей — вероятно, очень редких — служила не только гостиной, но прежде всего спальней.

На подушке не было наволочки, покрывало было так смято, точно на нем кто-то только что спал. Под окном стоял небольшой письменный стол, заваленный горами бумаг. На столе газовая лампа с абажуром собственного производства. Продавленная софа в углу светила незаделанными прорехами. На этой софе Райт во время первого визита к старику сидел и ждал результатов эксперимента с цветком лотоса.

Большой сверток, привезенный на автомобиле, Райт с Кранцем внесли в дальнюю комнату. Она была просторней остальных. Посередине — обычный деревянный стол, уставленный всевозможными химическими причиндалами, как в сельской аптеке. Кранц собрал все стаканы, колбы и склянки и перенес их на столик под окном. Затем Райт помог ему уложить полотняную колонну на опустевший

стол и принялся разрезать ленты и нити, скреплявшие полотно.

Виток за витком, слой за слоем опадали на пол под осторожными руками Райта. Старый химик стоял, охватив себя за плечи скрещенными руками; всякий раз, когда египтолог откладывал в сторону найденные в витках материи амулеты, он что-то бормотал себе под нос и недовольно хмурился.

Но в целом поведение Кранца мало что говорило о его отношении к предстоящей работе. Его глаза скрывались за стеклами очков. Тонкая оправа сливалась с глазницами.

Райт нервничал все больше. Из-под бинтов уже показалась голова и темный треугольник на ней: здесь губы Сатми оставили когда-то прощальный поцелуй.

*

Последний виток... Райт увидел перед собой темное, высушенное тело Нефрет. Рот и глаза царевны были завязаны. Под ожерельем висел символ жизни, напоминавший крест; на нем было вырезано имя «Сатми».

— А это? — спросил химик, показывая на закрытое лицо.

Райт снял с лица покровы. Между ними находились золотые талисманы искусной работы. Веки застыли в глубоком сне. Губы почти сомкнуты. Зубы, как мертвые жемчужины, матово поблескивали в чуть приоткрытом рту.

Теперь перед ним была Нефрет — та Нефрет, которую искал ночами Сатми и он, Райт...

*

Химик спокойно наклонился над умершей — для него она была объектом эксперимента. Он обнюхал мумию, ощу-

пал тело и царапнул ногтем кожу. Потом покашлял и приподнял тело, будто оценивая его вес.

— Ладно, попробуем.

— Сколько времени это займет? — тихо спросил Райт.

Химик почесал в затылке и обратился к застекленному очками взгляду на молодого ученого:

— Понадобится примерно десять недель, — остановился, задумался и повторил, — да, не менее десяти недель!

— Это же семьдесят дней! Семьдесят дней... — сказал себе Райт, надевая пальто, — совсем как когда-то Суаамон...

Возвращаясь к себе, начал машинально отсчитывать от семидесяти: семьдесят один, семьдесят два...

*

Лаборатория Кранца была очень примитивна. Он больше думал о возможностях своего изобретения, чем о внешнем виде мастерской и удобствах в работе. Сейчас он понимал, что египетская мумия, хоть и маленькая, все же превышала размерами любые предметы, служившие ему до сих пор для опытов, и что для нее потребуется специальный сосуд.

Заказывать подобный сосуд не было времени, лучше было купить готовую эмалированную ванну — Райт согласился покрыть все расходы, связанные с экспериментом. Воск в носу и ушах мумии можно было не удалять. Мумия будет лежать в ванне, погруженная в вещество, над изобретением которого Кранц трудился долгие годы. Оно имело цвет крепкого кофе.

Райт не пытался разузнать у Кранца подробности его изобретения: у старика могло возникнуть подозрение, что он собирается воспользоваться изобретением в собственных целях. Он также не спрашивал, когда старый химик намерен приступить к работе. Мумия должна была остаться нетронутой, неповрежденной, более того — она должна

была вернуться к нему омоложенной.
Семьдесят дней ожидания...

*

Пришло письмо из Англии. Некий английский Райт признавался в родстве и сообщал, что у них имелся общий предок. Теперь, когда профессор Райт так прославился в Египте, он заинтересуется, вероятно, портретом одного из представителей их древнего рода, нарисованным не кем-нибудь, а самим Гейнсборо. Английский Райт в настоящий момент очень нуждается в деньгах и готов уступить это ценное произведение искусства, с приложением генеалогического древа, за чрезвычайно скромную сумму.

— Какое мне дело до английских предков, когда я давно отрекся от них?! — раздраженно восклицал Райт.

— Но фамилию их ты сохранил и, может быть, именно поэтому тобой больше интересуются в Англии, чем у нас... — убеждала его Мэри, радуясь возможности повесить на стену портрет «своего» славного предка работы великого английского художника.

Она видела, что муж не слишком возражал и сама написала английскому Райту.

Когда портрет прибыл и его повесили в салоне, Райт не пожалел, что купил картину. Мэри торжествовала — она могла начать собирать «галерею предков», как это делалось в больших «аристократических домах».

С этой мыслью она решила прежде всего заказать собственный портрет и начала ходить на сеансы, позируя художнице Сабине Гропиус. Ее муж ничего об этом не знал. Мэри хотела преподнести ему свой портрет на день рождения.

*

Райт тосковал. Рукописи и книги перестали его интересовать. В музее лежали мертвые вещи, лишенные владелицы, в чьем присутствии они оживали. Пока он испытывал сомнения и раздумывал, не окажется ли тело Нефрет такой же мумией, как прочие музейные образцы, все связанное с его исследованиями утрачивало всякое значение. Быть может, критики действительно правы и вся его теория разлетится, как детский картонный домик?..

Спокойствие и молчание Кранца раздражали Райта. Он написал ему письмо, но не получил ответа. Бросился на улицу Шнефельдер, но сторож заявил, что господин Кранц категорически приказал никого к нему не пускать, «и в первую очередь господина профессора».

Шли дни. Райт написал своему соратнику и доверенному лицу новое письмо. Снова молчание. Наконец пришел ответ:

«Если будете мне докучать, плюну на все. Когда придет время, я вам сообщу.

Бертольд Кранц, химик».

*

У Кранца были уважительные причины для гнева. Он злился, что дал уговорить себя на эксперимент, уничтоживший последние остатки свежего воздуха в доме. Простоять весь день на улице с банкой зловонной жидкости было куда легче, чем просидеть несколько часов в отравленной атмосфере при закрытых окнах. А открывать окна было опасно ввиду соседей, которые могли начать протестовать, а возможно, и заглядывать внутрь.

Кранц плохо спал. Беспокоили мысли о результате эксперимента. От исхода опыта зависело его чувство профессиональной гордости. К тому же, мумия — это не старый башмак. Ее почтенный возраст исчисляется тысячелетиями. Но при чем тут время? Изобретение Кранца сильнее раз-

рушительной длани времени...

С этими мыслями старый химик подходил к египетской царевне, брал ее за руку и пробовал на ощупь, не стала ли рука мягче. Царевна купалась в ванне. Столько лет не знала купанья... это пойдет ей на пользу....

Ложась спать, Кранц подтаскивал к двери кладовой, где стояла эмалированная ванна, большой сундук, служивший баррикадой. Даже смешно... у него, ученого химика, не было никаких предрассудков, но почему-то казалось, что пристойней спать, когда дверь в кладовую надежно защищена. Что ни говори, а Нефрет была девицей и притом из царского дома...

*

После нескольких дней безделья, размышлений и волнений Райт решил, что лучшим выходом будет возвращение к работе. Работа поможет ему не думать о сроке, назначенном Кранцем.

Наследство Стакена, от которого он так отрекся, все же не миновало его. Ландсбергу захотелось совершить широкий жест мецената — он приобрел манускрипты Стакена и подарил их музею. Он не стал разбираться, что за история была у его зятя с завещанием, и не нашел времени сам его спросить. Ландсбергу было ясно, что Райт продолжает труды своего великого учителя. Он не сомневался, что доставит зятю удовольствие, купив египетские папирусы. С другой стороны, Ландсбергу представлялось, что правительство оценит такой щедрый дар и в журналах будут напечатаны фотографии большого филантропа, покровителя искусств. А оттуда недалеко и до ордена.

*

Райт теперь просиживал целые дни в библиотеке. Вот он

входит в зал, где со стены смотрит большой портрет Шампольона и длинная шеренга его преемников. Он вспоминает совместную работу со Стакеном и каменный взгляд строгого профессора, все время следивший за ним.

Нынешние молодые помощники Райта, согбенные над текстами, были аккуратны и внимательны в работе, но далеки от подобных идеалов. Их влекла жизнь за стенами библиотеки — танцы, кабаре, изменчивый валютный курс. Они работали со словарями, не доверяя собственной интуиции. В три часа дня они с улыбающимися глазами захлопывали толстые книги, собирали в кучу свои заметки и с облегчением откладывали их в сторону. Это были послушные бараны — идеальные сотрудники для старого Стакена.

Райта они мало радовали: его скорее раздражал сам их вид.

*

Наступила зима. Было неприятно ходить по длинным залам музея, где попадались лишь редкие, случайные посетители. Они приходили больше для отдыха или скуки ради и казались мертвее окружавших их мраморных фигур.

Райт бродил по лестницам с этажа на этаж в поисках самых обширных залов, где он чувствовал себя свободней. Красные стены превращались в его воображении в святилище, полное жрецов. Изморозь на окнах, туманный сумрак коридоров вздымались клубами дыма, как во время тайного богослужения, от которого зависела жизнь любимой. Кадильница, ладан...

Голоса посетителей, проходивших мимо с Бедекерами в руках, пробуждали его от задумчивости.

— Вы обратили внимание на рисунки, украшающие греческие вазы? Если бы сегодня кто-нибудь вздумал предложить такую роспись...

— А вы считаете, что египтяне были менее смелыми?..

Райт отходил, не желая выслушивать суждения, выводившие его из себя. «Что все эти люди могут знать о Египте?... Можно ли сравнить искренность и непосредственность чувств египтян с нашей эпохой?..»

И он начинал думать о египетской поэзии, в которой откровенная чувственность идеально сочеталась с возвышенными духовными порывами.

*

Мэри подарила мужу на день рождения свой портрет. Художница уделила больше внимания очертаниям ее фигуры, чем выражению лица. Портрет повесили в салоне. Стоя перед ним, Райт едва замечал картину. Может, она висит здесь уже давно и смешно было бы вдруг ее заметить? Еще скажут, что Райт рассеян, как все профессора.

— Тебе нравится?

— Конечно... Только мне кажется, что этот портрет не должен висеть рядом с работой такого великого художника, как Гейнсборо... Я говорю исключительно о художественном уровне, абстрагируясь от...

— Это подарок тебе от меня...

— Спасибо, спасибо...

*

Кэти посоветовала Мэри отвести мужа к врачу. Райт становился все более резким, «невозможным» в общении. Если он сам не следит за своим здоровьем, необходимо о нем позаботиться. И если даже ее, Мэри, совершенно не беспокоит, как чувствует себя ее муж и что творит с собой, не следует забывать, что он ученый и его деятельность относится к сфере науки, то есть принадлежит, так сказать,

всему обществу.

— Да, сберечь его талант — твой долг... Ты одна можешь повлиять на него и знаешь, как к нему подступиться. Если оставить все как есть, он превратится в нелюдимого сумасброда, пропадет... и после мы будем иметь с ним еще больше хлопот. Я говорю это тебе, Мэри, потому что он, как-никак, мой зять...

*

Было не так трудно убедить Райта показаться врачу. Тот выписал ему снотворные порошки, успокаивающие нервы. Отдельно подозвал к себе Мэри и сказал:

— Самое главное — ваш муж не должен чрезмерно напрягать свои силы. Ему не следует волноваться. Необходимо избегать сильных потрясений. Его нервная система крайне расшатана.

Возвратившись домой, Мэри провела краткую беседу с личным секретарем мужа:

— Если вам не безразличны его труды, очень прошу вас сообщать мне обо всем, что может взволновать профессора... Это в его личных интересах... Правда же, вы поможете мне его вылечить?

*

Пришли два письма — одно в музей, второе домой. Оба одинакового содержания:

«Высокочитимый господин профессор!

Убедительно прошу Вас поскорее зайти и забрать ваше имущество. Я сделал все, что мог. Если не поторопитесь —

все выброшу или уничтожу. Сам Бог (или дьявол?!) не знает, что Вы мне такое оставили.

С уважением,

.

химик».

Подпись неразборчива.

Секретарь показал письмо жене своего шефа со словами:

— По моему мнению, такие письма не могут положительно сказаться на нервах профессора.

— Но что все это значит? — спросила Мэри, недоуменно вертя в руках письмо и конверт.

— Несомненно, профессору лучше знать, о чем здесь говорится. Но судя по почтовому штемпелю, письмо пришло из северного округа. Сомневаюсь, что там может проживать какой-либо почтенный химик и человек из нашего круга в целом.... Бедняки, бродяги. Для профессора даже опасно посещать эти окраины.

Секретарь искал в глазах Мэри признание его искренней заботы о здоровье профессора.

— Если позволите, госпожа Райт, я предложил бы поручить мне подумать о мерах предосторожности.

Мэри кивнула головой и протянула ему руку. Секретарь стал объяснять:

— Понятно, это не имеет ничего общего со слезкой за профессором. Вы знаете, как я его уважаю, и я никогда не позволил бы себе ничего...

— Буду вам очень благодарна.

*

10-го декабря секретарь пришел в дом Райта на полчаса раньше обычного.

- Как профессор провел ночь?
- Совсем не спал и не захотел принимать лекарство. Утром вышел и неизвестно зачем взял с собой дорожный плед.
- Он взял еще какие-либо дорожные принадлежности?
- Нет, но оделся так, как если бы намеревался провести вечер вне дома.
- Странно. Вы позволите мне воспользоваться вашим авто?
- Разумеется.
- Мэри помедлила и добавила:
- Я поеду с вами.
- Не будет ли это рискованно? — спросил секретарь и, подумав о какой-то воображаемой опасности, улыбнулся при мысли, что играет теперь роль детектива.
- Он даже одет был соответствующе: спортивный костюм и просторный ольстер. Английский широкий шарф вокруг шеи мог пригодиться, если вдруг понадобится закрыть лицо.
- Предпочтительней всего будет поехать следом за профессором. Пожалуйста, узнайте по телефону, находится ли он сейчас в музее.
- Райт был в музее и просил не ждать его к обеду.

*

В три часа дня машина стояла, притаившись, за углом старого здания музея. В ней сидели Мэри и секретарь.

Оказалось, что с этого места было нелегко разглядеть выходящих из музея — мешали колонны. Секретарь вылез из авто и начал осторожно прохаживаться между старым и новым зданиями, стараясь не пропустить людей, выходящих из хорошо известных ему дверей. В конце концов показался Райт, вынырнув из темных музейных коридоров. На Нойе-Фридрихштрассе секретарь сел в такси, велел шо-

феру не упускать из виду такси Райта.

Мэри следовала за ними в некотором отдалении. Ей нравилась эта погоня, отдававшая газетными сенсациями. Она не думала ни о том, куда мог направляться муж, ни о возможной опасности их путешествия. Что-то наконец ожидало однообразные будни, как американская криминальная фильма.

*

Печать на конверте не солгала: грязный северный квартал. Здесь шофер Райта остановился и начал высчитывать таксу. Райт заплатил, жестом отпустил шофера и исчез в воротах дома. Минуту спустя подъехали секретарь и Мэри. Секретарь бросился вслед за Райтом и замешкался в воротах — справа в глубине двора он заметил какой-то черный ход. В подъезде было темно. Секретарь побежал вверх по лестнице. Добежал до верхнего этажа. При свете спички читал фамилии на дверях. Нигде никакого химика.

Он вернулся к Мэри и сообщил о своей неудаче. Возможно, профессор прошел во двор. Стоит ли ждать, пока он снова не появится в воротах? Это может продлиться несколько часов.

*

Кранц, вероятно, прождал своего клиента еще дольше, так как отирался у самой двери. Стоило Райту один раз постучать, как послышался звук старческих шагов и в замке повернулся ключ.

Райт освещал себе путь карманным фонариком и теперь поднял его на высоту щели, за которой висела старая цепь. Блеск знакомых глаз, лязг железа. Дверь отворилась. Райт

удивился тому, что хозяин чуть ли не силой втащил его в квартиру. Кранц был одет беднее обычного, на нем не было даже жилетки. Рукава рубашки были закатаны, как у прачки, а штаны еле висели на химике, держась на единственной пуговице.

Нетрудно было заметить, что Кранц сильно похудел. Его ребра словно выдавались из тела. Глаза смотрели спокойно, но лоб был нахмурен.

Химик закрыл дверь на цепь, чиркнул спичкой и зажег свечу в каком-то старомодном или самодельном подсвечнике. Он подталкивал Райта вперед и притоптывал ногами, будто спешил.

Квартира была пропитана невыносимым зловонием. На свежий воздух надеяться было нечего, а просить Кранца снова открыть входную дверь было уже поздно. Химик подталкивал Райта все дальше в коридор, затем остановился и пропустил гостя в комнату.

Посреди комнаты, на столе, серым пятном выделялось тело. Райт подошел ближе, не отдавая себе отчета, какое чувство брало в нем сейчас верх над всеми остальными: любопытство, страх или отупение человека, который продолжает надеяться, несмотря ни на что.

Перед ним лежала Нефрет. Не покоилась, а дремала. Ее губы были чуть приоткрыты, как будто она уснула с недосказанным словом на устах или улыбалась в сонном забвении. Веки подрагивали, — быть может, только что замерли от удивления, когда он взглянул на нее. Маленькая, почти детская, слабо развитая грудь не дышала. «Наверное, она задержала дыхание, услышав мои шаги...» — подумал Райт и в тот же миг усмехнулся, осознав всю нелепость этой мысли. Влажные черные кудри вились в беспорядке, оттеняя бледное лицо.

Да, это была Нефрет — такая, какой представлял ее себе Райт, какой знал ее Сатми.

*

Тени танцевали по стенам, сгущались над столом. Они издавали какой-то шелест, мешавшийся со всхлипываниями... да, в глубине комнаты отчетливо слышался плач. Райт оглянулся: не почудилось ли ему?

Кранц поставил свечу на столик у двери и обеими руками стянул с лица очки.

Два маленьких, подслеповатых глаза, как у щенка, посмотрели пытливо и беспомощно на Райта, словно ожидая неведомого знака.

Не успел Райт решиться на какое-то слово или жест, не успело рассеяться первое впечатление от увиденного, как старик швырнул очки на пол и скрюченными пальцами вцепился ему в горло с криком:

— Проклятый! проклятый!

Райт увидел перед собой знахаря Суаамона. Резким движением отбросил старика в сторону. Тот покатился в угол, сбивая по пути склянки. Поранил руку, вскрикнул и замахал окровавленным пальцем, не переставая вопить:

— Проклятый! проклятый!

*

Райт поднял легкое тело Нефрет и вынес его в коридор. Кранц повторял свои проклятия, как эхо в темном подzemье, — скулил то как побитая собака, то как несчастный, обиженный ребенок.

Райт шел по темной лестнице. Голос позади постепенно замирал. Тело Нефрет было влажным и грозило вот-вот выскользнуть из рук. Ее ноги болтались и мешали спускаться.

Кто-то поднимался снизу.

Райт приставил тело к лестничным перилам, стащил с себя теплое пальто и завернул в него Нефрет. Тело исчезло под пальто, и он ровными шагами двинулся вниз.

Какая-то тень прижалась к стене и затем незаметно последовала за Райтом.

У дома Райт заметил авто. Взмах руки — и шофер открыл дверцу. Он еще оборачивался на сиденье, чтобы удостовериться, сел ли пассажир, а Райт уже усадил рядом с собой бесчувственную спутницу и распорядился:

— В музей! Где остановиться — покажу.

*

Нефрет, закутанная в пальто, сидит в машине рядом с Райтом. Ее ноги накрыты пледом. Голова бессильно упала на его плечо. Она спит. Райт прислушивается. Он был бы счастлив сдержать стук своего сердца, только бы слышать ее дыхание.

Он уже забыл о том, где он и куда едет. Весь занят раздумьями о будущем. Настоящее исчезло для него. Его настоящим стало прошлое, такое давнее, что современники не в состоянии даже представить его себе. Но здесь, рядом с ним, сидит Нефрет, жившая в этой давно померкшей древности — и кажется, что она заснула только вчера и проснется, не пройдет и минуты.

Существует ли разница между умершими три тысячи лет назад и теми, с кем мы расстались три дня тому? Что знают о загробном мире еще не побывавшие там, — что знаем мы, устремляющиеся туда мыслями, мелкими и ничтожными, как наши будничные хлопоты?

*

Секретарь Райта, следивший за профессором, испытывал моральное удовлетворение — он вовремя различил в

загадочном письме привкус скандала. Прячась в темном уголке подозрительного подъезда обветшавшего дома, в этом квартале с дурной славой, он сумел разглядеть, для чего приходил сюда профессор.

Дело ясное: с бережно завернутой в пальто молодой женщиной, которую Райт так поспешно вынес из дома, что-то случилось. Вдобавок, она даже не была как следует одета — детектив-любитель готов был присягнуть, что видел голые ноги, свисавшие из-под пальто. Она спала, была пьяна, опоена каким-то наркотиком, а может... может быть, даже мертва.

Странное поведение Райта в последнее время — теперь разъяснилось.

Мэри стала второй свидетельницей как минимум легкомысленного поведения мужа. Ее авто незаметно ехало за такси, после обогнало его — и Мэри увидела, как муж склонился к лицу молодой женщины, сидевшей с полузакрытыми глазами.

Доказательств было более чем достаточно.

*

При виде секретаря Мэри почувствовала себя неловко. Она стыдилась того, что кому-то стала известна причина ее дурного настроения и тоски. Она не нашла в себе смелости заговорить с ним на эту тему и не видела необходимости обращаться к нему за советом. Секретарь был для этого слишком молод. Да и что она могла бы сказать ему? Оправдываться? Обвинять Райта?

Он был свидетелем ее супружеского несчастья, а у нее не было сил притворяться, что она принимает все спокойно, как нечто естественное, случающееся со многими другими женщинами — такими же несчастными, как она. Самой болезненной была мысль, что обо всем узнает Кэти... Мало ли откуда? В большом городе ничто не может долго

оставаться тайной.

Секретарь иронически улыбался при мысли, что у Кэти появится тема для сплетен и ядовитых острот.

*

Секретарь застал Райта дома и вежливо спросил:

— Я вам нужен?

— Прошу вас, оставьте меня. Я немного взволнован и должен остыть. Вы понимаете...

Секретарь ничего не понимал: профессор держался то ли искренне, то ли цинично. Он поклонился учтивей обычного и вышел.

«“Немного взволнован?..” Получается, что он нас заметил или не желает скрывать причин своей взволнованности. А ведь у него молодая и красивая жена... Он же ей ничего не сказал. Она так же мало ориентируется в ситуации, как я — чужой человек...» — раздумывал секретарь. В голове у него не складывалось ни единой гипотезы, какие бывают столь полезны для детективов.

*

Музейный сторож услышал протяжный и достаточно необычный в такое время звонок. Он сидел в удобном кресле перед разложенной газетой, не ожидая в этот неурочный час никаких посетителей.

Сторож очень удивился, увидев профессора. «Видно, что-то забыл... портфель, часы, записи...» Удивление сторожа лишь возросло, когда он услышал приказание открыть музей. За двадцать пять лет службы такое произошло впервые! Визит директора в помещение сторожа и подобное требование — нечто небывалое в истории музея!

Сторож медленно и довольно неохотно расстался со своими шлепанцами, надел ботинки и принялся разыскивать форменную фуражку. Затем демонстративно водрузил ее на голову — пусть профессор знает, что его заставляют выполнять рабочие обязанности во внеслужебные часы.

Райт в нетерпении переминался с ноги на ногу: сейчас ему было не до черепаших протестов старого служителя. Перед музеем ждало авто. Райт заплатил шоферу, жестом показал, что обойдется без посторонней помощи, поднял длинный сверток и понес его к воротам музея. Сторож шел рядом с фонарем, освещая дорогу.

Странное дело: из этого длинного мягкого свертка торчали голые женские ноги, чуть прикрытые пальто профессора. Это уже было совсем не в порядке вещей. Днем музей посещали женщины, но никто их туда не втаскивал и не вносил на руках... А уж ночью... Правда, директору позволено много больше, чем обычным гостям музея и служащим рангом пониже, даже сторожу... Что говорит должностная инструкция? О ночных посещениях в ней не упоминается.

Райт велел сторожу подождать в коридоре и понес женщину к себе в кабинет.

— Принесите мне подушку и лампу. Я останусь здесь на ночь.

Сторож был потрясен: превращать музей в дом свиданий?.. Неужели директор не нашел места получше?..

Гм, гм...

Через пятнадцать минут сторож вернулся к двери кабинета со своей легкой ношей. Директор быстро и совершенно спокойно открыл и принял от старика лампу и подушку.

На подушке красовалась большая вышитая надпись: «Спокойной ночи».

— Спокойной ночи, господин директор.

— Спокойной ночи.

«Да уж, спокойствия этим ученым не занимать...» — подумал сторож. Он никак не мог решить, стоит ли рассказать

жене обо всем или наполовину приврать. Такие дела могут добром не кончиться. Но спорить с директором?..

*

Голова Нефрет легла на подушку с поэтической надписью. Впрочем, царевна и так спала спокойно. Райт накрыл ее покрывалом. В изголовье поставил лампу: так были отчетливей видны черты ее лица. Он забыл, что находится в музее. Ему мерещился саркофаг — нет, покои царевны и поэтессы, где она, упав на пол, заснула беспробудным сном.

Райт и сам не понимал, почему не захотел или не успел поговорить с Кранцем. Нужно было спросить, что он думает о своем эксперименте. Похоже, старый химик слабо верил в успех. Но вот доказательство — Нефрет только спит, спит так чутко, что ее можно разбудить громко произнесенным словом, живым прикосновением руки...

Райт потер лоб, словно пытаясь собраться с мыслями.

До самого рассвета он неподвижно просидел возле Нефрет.

*

Ночью Мэри ждала возвращения Райта. Не дождавшись мужа, она сделала выводы, к каким пришла бы на ее месте любая женщина.

Но когда Райт вернулся утром домой, чтобы принять ванну и переодеться, ее скорее испугал вид мужа, чем обидела измена. Ночью она много думала о его поступке и о том, как должна вести себя с ним. Теперь все эти мысли рассеялись, как дым. Она ничего не понимала. Так не выглядит человек, вернувшийся после ночного свидания с любовницей. Райт казался необыкновенно подавленным или

погруженным в грустную задумчивость, он как будто никого вокруг не замечал — и выражение его лица было новым даже для хорошо знавшей Райта Мэри.

Все колкие упреки, которые Мэри собиралась обрушить на мужа за завтраком, замерли у нее на губах. Не сдержавшись, она разразилась горькими рыданиями.

*

Телефонный разговор.

— Да, это доктор Шер, профессор Шер.

.

— Понимаю, господин профессор Райт.

.

— Могу быть у вас около часа дня.

.

— Новое здание, египетский отдел, кабинет директора? Хорошо.

.

— Кто болен?

.

— До свидания.

Доктор Шер несколько удивился: кто мог заболеть в музее? Какие-то невнятные ответы. Райт почему-то не может сказать прямо, и непонятно, что нужно взять с собой... «Не совсем медицинский вопрос... научная консультация...» Райт, Райт... ну конечно, автор той книжки о египетских мумиях... Но зачем ему понадобилась врачебная помощь?.. Удивительно, с чем только люди не обращаются нынче к врачам... Посмотрим, посмотрим...

*

— Откуда у вас это тело? — спросил профессор Шер.

— Не сочтите меня сумасшедшим или обманщиком, профессор, когда услышите, что любую мумию можно привести в такой же вид.

— Хорошо, хорошо, господин профессор. Но вы не ответили на первый вопрос: где вы ее взяли? — довольно сухо произнес Шер.

Врач подозревал, что речь идет о чем-то не очень согласующемся с законом. «Если это не преступление, то во всяком случае дело темное...»

— Я спрашиваю вас, кто эта девушка и где вы ее нашли?

— Эта девушка — египетская царевна Нефрет. Я нашел ее мумию в прошлом году во время раскопок усыпальниц фараонов и привез ее с собой в Берлин. Меня интересует, прежде всего, ваше мнение: что вы скажете о состоянии ее организма?

— Дорогой профессор, — кисло улыбнулся профессор Шер, окончательно убедившись, что этим случаем должны заинтересоваться судебные власти и он может поэтому высказываться свободней, — я могу вас успокоить... Девушка находится в состоянии, которое будет правильной всего охарактеризовать как летаргический или гипнотический сон. Я не могу признать эту молодую особу ни живой, ни мертвой... Если позволите...

Он отстранил Райта, взял маленький ланцет и чуть надрезал тело.

— Видите — нет ни следа крови... Откройте жалюзи... Вот так, благодарю. Итак, я зажигаю спичку и подношу ее совсем близко к глазам. Зрачки не реагируют. Это еще не доказывает, что данная особа умерла, но и не подтверждает, что она жива. Глаз живого человека реагирует иначе, но в состоянии гипноза... Хотя... не имеет значения... Мне кажется, что в наших общих интересах было бы знать, что вы сделали с этой девушкой. Случай, безусловно, очень любопытный. С научной точки зрения.

— Вижу, вы мне не верите, — ответил Райт. — Я не удивляюсь. Я на вашем месте тоже не поверил бы.

— Ну хорошо. Кто же эта особа?

— Нефрет, дочь египетского царя. Прошу вас следовать за мной.

*

Стоя перед статуей Нефрет, врач вынужден был признать невероятное сходство: скульптура во всем походила на таинственное тело. Три тысячи лет — и такая метаморфоза! Феллахи уверяют, что найденные в гробницах зерна могут прорасти, но ученые издавна привыкли считать это обычной народной легендой. Царство растений все же нельзя сравнивать с человеческой жизнью. Действительно, Нефрет пребывает в пограничном состоянии, между жизнью и смертью, но было бы непредставимо думать, что она способна ожить!

Профессор Шер невесть для чего ощупывал раскрашенную статую и бормотал:

— Странно, очень странно... Кто знает? Быть может, здесь скрывается какая-то сверхъестественная сила...

Непонятно было, говорил ли он с издевкой или готов был поверить в невероятное. Он вернулся к телу Нефрет, наклонился к Райту и сказал, словно обращаясь одновре-

менно и к нему, и к спящей царевне:

— Я хотел бы вам кое-что предложить... Я буду посещать эту... особу ежедневно, но вы должны дать мне слово, что ничего не предпримете без моего ведома. Я обхожу закон, господин профессор, но поступаю так исключительно ради высшей цели, которая нас объединяет — ради науки...

*

Кэти зашла к Райтам, но не застала никого, кроме секретаря. Она не была разочарована.

— Как вам работается?

— Госпожа Ландсберг, вы, кажется, уже знаете...

— Знаю. Вы очень этим огорчены?

— Я не могу работать. Шеф стал совсем ненормальным.

— И вы намерены его покинуть?

— Легко сказать, но найти сегодня место...

— Если вам подойдет, я могла бы поговорить с мужем.

Ему нужен деловой и интеллигентный секретарь.

— А что скажет госпожа Райт?

— Вы ведь не на нее работаете. Вы ее так боитесь?

— Боюсь? Я вообще не имею к ней никакого отношения.

— Что ж, подумайте. Остальное я беру на себя.

— Подумаю.

— Позвоните мне, я вам помогу.

— Очень рад.

*

Тот факт, что в музее находится какое-то загадочное тело — люди избегали выражения «труп» — невозможно

было долго утаивать. Сторож увидел в замочную скважину женскую голову на подушке. Тело было прикрыто покрывалом, но это уже не имело значения. Теперь он не сомневался, что в ту ночь видел голые ноги... Авто приезжало неспроста. Известный врач долго советовался с профессором в кабинете в связи с тем же делом. Врач, профессор Шер, приходил на протяжении нескольких дней. Все было более или менее очевидно.

Однажды, как раз в тот момент, когда врач находился в кабинете Райта, явилась какая-то комиссия. Полицейский врач, знавший профессора Шера в лицо, немного удивился, встретив здесь коллегу. Он состроил деловитую мину: дескать, к науке мы всегда относимся с величайшим почтением, но закон превыше всего, ничего не поделаешь.

Начали обсуждать сложившуюся ситуацию. Полиция выразила сожаление, что узнала о мертвом теле с таким опозданием и из третьих рук. Райт стоял сбоку и молча слушал, точно вопрос его ничуть не касался.

Полицейские чины потребовали передать тело незнакомки под опеку властей. Только теперь Райт заволновался. Он пытался убедить чиновников, что это лишнее, что тело может остаться в музее под строжайшим постоянным присмотром, что он готов дать любое поручительство и даже взять на себя личную ответственность.

Затем, когда просьбы не помогли, Райт начал доказывать, что мумия является его частной собственностью и ее не имеют права отбирать. Против этого никто не возражал, но довод не отменял силы закона.

Райт не пожелал назвать фамилию химика, который восстановил высохшее тело, придав ему гибкость и упругость. Он боялся, что Кранц решит ему отомстить. Перед ним маячила фигура знахаря Суаамона. Ему не хотелось снова столкнуться со старцем — при их последней встрече тот произвел на Райта впечатление безумца.

Но полицейский допрос оказался весомей профессорских рассуждений. И Райту пришло на ум, что он сможет спасти Нефрет, оставить ее у себя, если назовет фамилию своего сообщника.

*

Полиция наведлась в квартиру Кранца и нашла старика мертвым. Он лежал в той самой ванне, где Нефрет семьдесят дней омолаживалась в целебной купели — лежал в рубашке, штанах и домашних туфлях. Тело погрузилось в темноватую гущу. Кожа Кранца приобрела неестественный красный оттенок, на лице застыло удивленное выражение.

Следствие не выявило никаких признаков насильственной смерти, хотя по полу большой комнаты и в коридоре тянулись кровавые пятна. Нетрудно было догадаться, что эти пятна оставил сам Кранц и что кровь текла из небольших порезов на руках, которые он себе нанес. Эти ранки не могли привести к смерти. Все склонялись к мнению, что химик собрался проверить изобретение на себе и улегся на ночь в ванну, надеясь подвергнуться воздействию живительного эликсира.

Полиция приступила к сбору сведений о покойном. Нашлись несколько человек, хорошо его знавших. Один из соседей, аптекарь, с большим уважением отзывался о разносторонних изобретательских талантах Кранца. Кранц умел так хорошо восстанавливать старые ботинки и калоши, что их было не отличить от новых. Как-то даже показал дохлую лягушку, которая двигалась, как живая; Кранц уверял, что предварительно засушил ее.

«А в общем, это был добросердечный чудаковатый человек, веривший в прогресс науки и другие фантазии...»

*

Один из сотрудников государственной библиотеки опубликовал отрывки из брошюры Кранца, написанной еще 30 лет назад. В этом хаотичном труде уже тогда упомина-

лись методы обновления засохшей или омертвевшей кожи. Научные данные сочетались в брошюре с практическими советами из области косметики и философскими размышлениями о процессах жизни и смерти и различных случаях оживления считавшихся мертвыми существ. Соображения Кранца были не лишены интереса и довольно оригинальны. Замечания автора свидетельствовали, что он был знаком с исследованиями многих крупных ученых и вполне мог бы вести самостоятельную научную работу. Вероятно, недостаток средств заставил Кранца избрать кратчайший путь и он вместо анализа свойств человеческой кожи занялся опытами по восстановлению поношенных ботинок. Эксперимент над Нефрет стал величайшим достижением его жизни. Кранц не подготовился к нему должным образом и неожиданная возможность доказать свой научный талант, очевидно, потрясла его до глубины души.

*

Решение относительно дальнейшей судьбы тела Нефрет почти удовлетворило Райта. Было решено, что тело может оставаться в музее, но только под наблюдением врачей. Нефрет перенесли в отдельную комнату, смежную с залом, где располагались вещи царевны.

На нее надели длинную белую юбку, закрывавшую ступни, и белую блузку с короткими рукавами, а затем положили тело в стеклянную витрину на надутый резиновый матрац. Ученые разработали специальный аппарат, который должен был подать сигнал в случае появления малейших признаков жизни.

*

Старый служитель прохаживался по музею, покачивая головой.

— С новым директором музей превратился в паноптикум. А сейчас еще закрыли балаган с восковыми фигурами... тот, на площади... как его там... и мы, того и гляди, заполучим всех его посетителей.

Когда Райт вернул ему подушку, на которой покоилась голова Нефрет, сторож подарил ее свояку на именины, но ни словом не обмолвился, кто на ней лежал.

— Пускай свояк почивает и хвалит мое доброе сердце... Я не смог бы спать на ней спокойно после этой египетской колдуньи...

*

Для прессы история с омоложенным телом, лежащим под стеклом в окружении научной аппаратуры для контроля за дыханием и биением сердца, да еще под присмотром специальной комиссии, стала настоящей сенсацией. «Иллюстрированный журнал» посвятил целый номер египетской царевне и ее приключениям с профессором, химиком, врачами и полицией. «Кто знает, не стоим ли мы накануне опытов, которые будут иметь переломное значение для консервации человеческого тела и восстановления постаревшей кожи, то есть для проблемы старости и... жизни всего человечества?» — с апломбом писал автор статьи.

Неудивительно, что в музей хлынули толпы посетителей, мечтавших взглянуть на таинственную царевну, которая могла вот-вот проснуться. А иначе зачем возле нее поставили аппарат? Его бы не было, считай ученые, что царевна мертва.

Служители сбивались с ног, и музейный сторож от имени своих товарищей обратился к дирекции с предложением взимать отдельную плату за осмотр комнаты со спящей под стеклом царевной. Входя туда, люди обязательно начинают задавать вопросы, а это отнимает время, да и горло болит. Служители, заучившие несколько общих фраз о происхождении Нефрет, ее путешествии в Европу и про-

веденном над ней эксперименте, получили прибавку к окладу, поправили состояние своих карманов и уже не жаловались на директора, хотя и продолжали многозначительно улыбаться. Они гордились тем, что интеллигентные люди расспрашивают их теперь о сложных вопросах жизни и смерти.

*

Секретарь Райта пришел попрощаться с Мэри, уведомив ее, что покидает свое место. Мэри не удивилась.

— И все-таки мы ошиблись, — засмеялась она. — А ведь были так убеждены...

— Когда?

— Тогда, когда увидели моего мужа в машине рядом с Нефрет.

— А вы уверены, что *тогда* с ним была мумия? — злобно и резко парировал секретарь, которому уже не к чему было таиться.

*

Кто-то пустил в прессе слух, что тело Нефрет — искусственная кукла из фаянса и папье-маше, и что Райт заказал ее с целью увеличить доходы музея, то есть занимается шарлатанством.

После этого газета, опубликовавшая сенсационную новость, вынуждена была поместить опровержение.

Врачебная комиссия исследовала тело рентгеновскими лучами и подтвердила, что все органы в нем остались в целости, а жизненные процессы были прерваны каким-то таинственным способом. Под коротким коммюнике значи-

лись фамилии знаменитых врачей, чью компетентность никто не мог поставить под сомнение.

*

Как же так, раздумывал Райт: человеческий организм сохранился в целости, ученые его осматривают, но никто не в силах вдохнуть в него жизнь... Может, Суаамон или Кранц?..

Но все это — лишь вопрос времени. Ему, Райту, удалось обратить ход времени вспять. Даже среди белого дня, с полным сознанием происходящего вокруг, он видел Нефрет такой, какой она была три тысячи лет назад. Если она не изменилась за столь долгое время, то время не должно играть никакой роли. Ясно, что ее сердце остановилось, но тело осталось таким же... оно может в любую минуту отозваться, и Нефрет вернется к жизни... Нужно только одно усилие — волевое. Воля ее или его. Важно только уловить правильное мгновение, поймать форму... Райт и сам не сумел бы ответить на вопрос, что именно нужно сделать: грандиозность проблемы поражала и подавляла его, как дикаря — впервые увиденный автомобиль.

*

Один эксперимент врачей навел Райта на интересную мысль. Медики проверяли реакцию и пружинистость мышечной ткани; когда сквозь мышцы проходил электрический ток, они сокращались, создавая впечатление движений живого человека.

Райт накопил книг по анатомии, заперся в библиотеке и принялся изучать тайны человеческого тела.

Подозрение, которое заронил в сердце Мэри секретарь Райта, не давало ей покоя. У нее не было никаких доказательств. Но что, если зрение ее не обмануло и в авто рядом с мужем и впрямь сидела тогда какая-то молодая женщина?

Ей больше не хотелось за ним следить. В тяжелую минуту, пережитую обоими, Мэри едва ли не впервые убедилась, что все-таки любит своего мужа. Если бы ей пришлось остаться сейчас одной, да еще и обманутой, она чувствовала бы себя действительно несчастной и беззащитной. Она уже свыклась с рассеянностью мужа и с тем, что он не любил крикливого общества салонных знакомых.

Мэри даже готова была признать, что все эти гости на приемах — скучны и неискренни; роль светской дамы, хозяйки дома, перестала ее привлекать.

Но все же она больше, чем когда-либо, нуждалась в дружбе, чтобы поделиться своими невеселыми мыслями, попросить совета, хотя бы на время забыть о домашних невзгодах. Встречи с Кэти были слишком холодными. С тех пор, как «их» секретарь перешел на службу к отцу, Мэри с неудовольствием встречала его там в новом амплуа.

Именно в те дни она познакомилась в одном доме с балтийским немцем, бароном Бильдерлингом. Он выделялся среди надутых, каменных немцев свободными манерами. Было в его характере что-то сильное, здоровое, порой даже грубоватое, но искреннее.

Потеряв все свое состояние во время революции, он уехал в Германию, где начал жизнь заново. Бильдерлинг участвовал в российской гражданской войне; слушая его истории, женщины закатывали глаза и от страха переставали дышать. Без всяких прикрас и рисовки барон рассказывал, как собственноручно расстреливал пленных большевиков. Война изменила его: он не знал сомнений и утрызений совести, не ведал тоски и не понимал сантиментов.

Когда он клал на стол свои крепкие руки, Мэри невольно думала о том, какими страшными и жестокими должны быть удары этих рук, этих чуть ли не крестьянских пальцев и как не похожи они на руки других мужчин, когда — ласково обнимают.

Барон Бильдерлинг некогда служил в царской гвардии и сохранил манеры вымуштрованного служаки. Когда он смотрел на женщин, его глаза говорили: «Вы мне совсем не нужны, но если бы я захотел...»

Этот взгляд смущал Мэри. Застыв в кресле, она дивилась на сильного воина.

Больше всего Мэри импонировало, что в разговорах с нею он с относился к ней с таким уважением и вниманием, какие никогда не проявлял Райт.

*

Углубившись в профессиональные медицинские книги, Райт также начал следить за объявлениями о различных новых изобретениях. Среди всевозможных разрекламированных электрических и магнетических приборов его внимание привлек аппарат для паралитиков. Этот аппарат состоял из надевавшегося на голову шлема и клавиатуры со своеобразными педалями.

Райт лично встретился с изобретателем. Тот показал многочисленные благодарственные письма от больных, которые смогли двигать конечностями, испытывая по крайней мере иллюзию власти над телом. Райт пояснил изобретателю, что «Паралос» ему не нужен, но требуется нечто похожее.

— Не могли бы вы построить аппарат, которым можно воспользоваться в случае полной неподвижности? Другой человек мог бы орудовать аппаратом так, что парализованная особа будет двигаться, жестикулировать... не знаю, что еще...

— Я понимаю, что вам нужно, но...

— Как вы считаете: такая вещь возможна? Не мог бы такой аппарат помочь парализованному человеку вставать, садиться, немного ходить... Вы говорите, что «Паралос» действует на электрическом токе, а значит... Желательно, чтобы аппарат был не тяжелый, не очень большой и не очень сложный.

— Ясно: маленький аккумулятор, тоненькие проводки, легкий шлем.

— Клавиатура тоже небольшая.

— Я очень хорошо вас понимаю.

— Значит, вы могли бы взяться за подобную работу? В таком случае мы можем поговорить насчет средств.

— Материал, время...

— Я готов дать вам задаток, а после первых опытов вы сообщите мне, сколько времени отнимет работа.

— Разумеется.

*

Мэри тем временем все внимательнее прислушивалась к барону Бильдердингу, который раскрывал перед ней свои колоссальные политические планы. До сих пор Мэри и не представляла, что существуют такие люди: они запросто ходят по салонам, пьют кофе или чай и постоянно заняты переустройством мира, как другие думают о смене мебели у себя в квартире.

Барон верил, что на просторах древней России назревают большие события и что все происходящее там сейчас — лишь пролог к большому перевороту. Мэри слабо понимала связь между личными переживаниями барона в дни последней войны и тем будущим, о котором он говорил, но верила энергичному эмигранту с широкими связями. Он был симпатичный и работал во имя какой-то высшей идеи. Когда он исчезал на несколько дней, то наверняка проводил

совещания или искал людей и средства для своей «масштабной акции».

Барон часто проклинал своих земляков и этого Мэри тоже не могла понять. Он определенно заявлял, что все эти эмигранты — сволочь, которой нельзя верить и с которой он не желает иметь ничего общего, однако трудился ради чего-то, что, по ее мнению, было непосредственно связано с ними. Мэри уже не раз собиралась спросить его, какой он был национальности, но всякий раз она стеснялась: пугалась его смеха, боялась, что он сочтет ее глупой. Кроме того, у нее возникло впечатление, что он состоит в какой-то тайной организации и ей не хотелось вызывать у него подозрения чрезмерным любопытством.

Ей нравилось, что он, чувствуя ее беспомощность и одиночество, пытался ей помочь, пусть и не более чем дружеским разговором. Барон, видимо, привык спешить на помощь всем, кто был лишен воли и инициативы. Только женский инстинкт спасал ее от небезопасного очарования настоящего мужчины, который умел вникнуть в ее состояние и сумел бы покорить ее своими взглядами. Она смущалась и краснела, когда он непринужденно произносил свои речи, пряча улыбку победителя под рыжими подстриженными усами. Ах! с какой убежденностью и размахом он повествовал о планах нового большого наступления на Россию — наступления нескольких армий развернутым фронтом, — с какой логикой предвидел события неминуемой революции, которая разразится одновременно в разных местах, полыхнет кострами от Петрограда до Кавказа... Перекроить географическую карту Европы — задача куда значительней, чем корпеть над египетскими мумиями и обломками камней из пирамид фараонов!

— Когда мы захватим земли древней России и заручимся поддержкой Германии — я над этим работаю! — всей Европе придется нам подчиниться!

Мэри только сейчас осознала, что сих пор совсем не интересовалась политикой. Она даже не подозревала, что в газетах ежедневно пишут о таких больших и важных делах! В конце концов, она патриотка и задумывается о буду-

щем народа, к которому принадлежит... Все эти доселе незнакомые мысли, несомненно, возникли после знакомства с этим новым для нее типом мужчины.

Барон разглагольствовал, удобно усевшись в кресле:

— Почему мы проиграли? Потому что мы как следует не уважали авторитет, не имели дисциплины, среди нас не было выдающихся личностей. Большевики показали нам, что значит один человек, с железной волей, четким планом действий, не знающий сомнений... и теперь мы ответим им тем же оружием, разобьем их так, что только щепки полетят! Вы не верите? Это потому, что вы не были на войне. Война закалила наши характеры, научила нас равнодушию к мелочам мирной жизни, гордости смерти...

Мэри невольно вспомнила свою жизнь в Каире и тот день, когда они с Карнарвоном нашли Райта в гробнице. Муж мог погибнуть, но как велика разница между смертью на поле битвы и в подземелье среди мумий. Райт, как и прежде, отворачивается от действительности. Он никогда даже не обращался к ней повелительным тоном, как... мужчина. Он живет в стране каких-то пустых мечтаний, фантазий, закапывается в непонятные древности и даже не думает о том, нужна ли кому-нибудь его работа. Какой контраст с бароном!

Барон почувствовал, что произвел впечатление. Помял в пальцах платок, показал два ряда здоровенных зубов и сменил тему:

— Я совсем забыл, что дамы не любят разговоров о войне! Воспоминания захватили, простите... Вы были вчера на премьере в опере?

*

Изобретатель «Паралоса» заявил, что ему необходимо снять мерку с пациента — аппарат должен прилегать к голове.

— Такой шлем должен сидеть, как рыцарский. Для этого мне понадобится отливка с черепа. Волосы необходимо остричь и зачесать.

— На это я не могу согласиться! — в возмущении воскликнул Райт.

— Но поймите же, господин профессор...

— Возможно, нам удастся найти какой-то компромисс. Загляните ко мне.

Увидев Нефрет, изобретатель согласился, что жаль было бы остричь такие красивые кудри.

— Это было бы грешно, — добавил Райт.

— Попробуем иначе.

Изобретатель гладко, вплотную к голове, зачесал волосы царевны и надел ей на голову резиновую купальную шапочку. После этого сделал гипсовую отливку. Пока гипс застывал, он внимательно присматривался к Нефрет и наконец с улыбкой сказал:

— Я сделаю для нее египетский шлем, если только сумею соблюсти стиль. Такая милая девушка заслуживает того, чтобы всем нравиться.

Райт не знал, было ли это насмешкой или выражением искреннего восхищения. Тон мастера раздражал его и он хотел побыстрее избавиться от изобретателя, чтобы остаться наедине с Нефрет.

*

Мэри бродила по своим большим комнатам и отчаянно скучала. Муж возвращался домой поздно и, садясь за стол к ужину или отдыхая в кресле, был не расположен к разговорам. На вопросы отвечал коротко и все более механически, как если бы сами ответы утомляли его.

Можно было бы пригласить гостей — на чай, танцы, музыкальную вечеринку, но радушно встречать и занимать их — требовало усилий. Райт мог клятвенно пообещать вер-

нуться вовремя и вовсе не прийти; в каком положении окажется тогда хозяйка? В музее, со своими папирусами, муж решительно утрачивал всякое чувство времени. А может, дело в том, на что намекал тогда секретарь?

Мэри сама не знала, стоит ли и дальше задумываться над гнетущей домашней обстановкой или забыться среди друзей и развлечений. Но все-таки ей нужен был кто-то рядом, с кем можно было бы поделиться мыслями и впечатлениями... Может, пригласить барона? Но она пугалась его больших жадных рук.

Мэри стояла у широкого окна, выходявшего на заднюю аллею. На другой стороне улицы — авто с лениво развалившимся за рулем шофером. Это вечно ждущее авто наводило на нее непонятную грусть. Отвела глаза, стала рассматривать узоры на коврах, по которым столько раз проходила.

Бессознательно подошла к фортепиано и начала барабанить тустеп, потом онстеп и другие шумные мелодии. Недовольно ударила раскрытой ладонью по клавиатуре своего «Бехштейна» — впервые, вероятно, ощутившего на себе такой удар. Струны застонали.

Мэри поспешно оделась, села в авто и поехала в город. Ходила по магазинам, вспоминала все безделушки, которые покупала когда-то от нечего делать, встретила в кондитерской нескольких знакомых, выпила чай, съела несколько пирожных, выкурила несколько папиросок и вернулась домой к обеду. Райт с каждым разом ел все торопливей, словно ему жаль было тратить время на такую лишнюю вещь, как обед. Он спросил у Мэри, какая сегодня погода — будто и вовсе не выходил из дома.

— Зависит от того, кто и как чувствует... Иногда солнечные дни кажутся хмурой осенью, — ответила Мэри, стыдясь своей откровенности.

Райт не заметил в ее словах ни тени признания.

— Да-да... — машинально повторил он, — все зависит от того, кто и как чувствует...

Пикок писал Райту:

«Ваши рассказы о Нефрет напоминают чудо или сказку, а наши трезвые времена не признают ни чудес, ни сказок. Да, те люди, которых Вам хотелось бы оживить, жили чудесной жизнью... как Вам, по крайней мере, видится. А не кажется ли Вам странным, дорогой Райт, что именно наши земляки — ибо и в Вас течет английская кровь — о которых весь мир говорит только как о спортсменах и промышленниках — создали самые замечательные сказки? Возьмите для примера Оскара Уайльда. А забытые теперь прерафаэлиты — не рассказывали ли и они сказки, все явственней смешивая правду и фантазию? Я даже сказал бы, что именно англичане создали произведения, в которых фантазия звучит наиболее убедительно — таковы Шекспир, Стивенсон, Эдгар По, Киплинг, Уэллс.

Я упоминаю об этом только потому, что объясняю для себя Ваш подход к опытам над Нефрет Вашим английским происхождением. Не сердитесь, но иначе я не могу принять как удовлетворительные научные основания изложенных Вами фактов. Вы сумели облечь творения Вашего воображения в реальные образы. Возможно, здесь сыграло свою роль ясновидение, которому наука также придает большое значение. Талисманы, на которые Вы, в отличие от других, уже обратили внимание в своей книге, могут послужить примером этой научно разъясненной тайны. Я легко могу поверить, что в состоянии транса Вы прожили иную жизнь, наполнив ее образами, что взрастило ваше жадное воображение. Эти впечатления были почерпнуты из жизни — хотя лишь бессознательно восприняты, утаены. Я отнюдь не собираюсь опровергать то, что Вы с такой решительностью утверждаете, однако полагаю, что в своей теории Вы слишком смело заполняете пробелы, перед которыми в задумчивости останавливаются Ваши старшие коллеги-исследователи. Ваши гипотезы блестящи,

они возможны, но остаются фантазией. Помните, что Ваш незабвенный покойный учитель, Стакен, был первостепенным воплощением строго научного метода.

Вы превосходно изобразили судьбу царевны, но мы — приверженцы старого метода, следившие с большой симпатией за Вашей деятельностью — надеемся теперь, что Вы порадуете нас действительно научными сочинениями. Мы с нетерпением ждем публикации собрания Стакена под Вашей редакцией. Вы уже отдали дань красивым сказкам, а сейчас должны показать второе, не менее характерное свойство англичанина — рвение. Именно такого рвения потребует наследие Стакена. Только целенаправленная воля и ясная голова помогут Вам пробраться сквозь лабиринт манускриптов. Я не сомневаюсь, что Вы преодолеете все трудности и Ваше имя займет подобающее место рядом с именем Вашего великого учителя...»

*

Папирусы Стакена мало интересовали Райта и он оставил их на попечение своих ассистентов. Ассистенты не могли разобраться с некоторыми нечитаемыми и непонятными местами, зато честно заглядывали в словари и упорядочивали материалы.

Ассистент Курт Ремер считал, что сам черт подтолкнул его заняться египтологией. Его отец — большой знаток персидской литературы и автор целого ряда ныне забытых исследований — поддержал решение сына: Египет был тогда в моде и обещал лучшее будущее, чем Персия. Курт был сперва учеником Стакена и терпеть не мог старого профессора, затем перешел под начало Райта, которого воспринимал как чудака.

В семейном кругу Курт Ремер вел себя скромно и послушно. Жили они в маленьком доме в Штеглице, и отец держал всех в строгости. Семья страдала от нехватки денег,

и если бы приятель Курта, Макс Курц, не открыл ему некоторые тайны валютных спекуляций, Ремеру оставался бы единственный выход — самоубийство. Не мог же молодой и здоровый человек из высшего общества постоянно сидеть дома и отречься от всех развлечений большого города...

Да и то, нельзя было назвать настоящей жизнью всю эту круговерть вечно скачущих валютных курсов, все эти жалкие мелкие заработки, которые стоили столько нервов, времени, бессонных ночей и позволяли лишь скромные холостяцкие развлечения — без шика, без поэзии, без порывов...

Когда же случалось заработать чуть больше — немного ликера, немного музыки, немного тепла и танцев, и из надежд, печалей и мечтаний рождался такой опьяняющий коктейль, что мир загорался новыми красками. Да, все зависело от денег, от проклятой мамоны... какое свинство! И как мало времени остается после работы для развлечений с приятелями! Дома рано запирают двери, заставляют приходить вовремя. Упреки, злобные замечания, патриархальная дисциплина...

Что сказать: без Жанны Бельмар жизнь Курта Ремера было бы попросту безнадежной.

На самом деле Жанну Бельмар звали Иоанна Беле. Она была маленькой черноволосой танцовщицей из варьете и обладала хорошеньким личиком. Личика было достаточно. Характер только вредит карьере танцовщицы. Она вся состояла из пудры, румян и красного карандаша для губ. Была не злой и не доброй, а как раз такой, чтобы понравиться в данную минуту очередному ухажеру. Мимикрировала. И если все ее кавалеры были ветрогонами, то и сама Жанна была не менее ветрена и легкомысленна — легка, как воздушный шарик.

Сценический псевдоним «Жанна Бельмар» придавал ей некоторое пикантное очарование иностранки. Можно было ненавидеть французов и выставять им счет за последнюю войну, но никакая война не отменяла того факта, что у француженок есть *chic*. «Шика» у Жанны было немного,

но кто это замечал? Курт Ремер знал, что без Жанны его жизнь была бы безнадежней и горше пустого кармана.

Жанна умела заливаться серебристым смехом, как соловей, показывала Курту дыры в своих чулках, позволяла ему их штопать и в награду... натягивать чулки на ножки.

Это было все. Курт был только третьим в компании, потому что у Жанны уже был опекун — Макс, а у Макса водились деньги. Без такого Макса она в самом буквальном смысле слова не смогла бы выжить — удержаться на поверхности жизни. Но все трое умели дружить и беззаботно проводить вечера.

У Макса всегда водились деньги — много для себя, меньше для Жанны и совсем мало для Курта. У Курта было мало денег для себя и ничего для Жанны. Из этого со всей очевидностью следовало, что Жанна испытывала большую симпатию к банковскому служащему и пронице Макс и совсем слабенькую — к честному египтологу Курту.

Зато Макс и Курт были нераздельны, как общество с ограниченной ответственностью. «Союз светлых надежд на будущее». Надежды действительно были светлыми. Курт верил, что благодаря своим комбинациям рано или поздно выловит большую рыбу. Его отец уже очень стар и оставит ему в наследство домик, который можно будет продать, а Жанна... наверняка прославится.

А что прежде всего требуется для успеха кабаретной артистке? Завлекательная программа и реклама. Жанна танцевала не хуже (хотя и не лучше) других. Если же у нее и было какое-то преимущество перед товарками по сцене, то им она обязана была не столько таланту, сколько внешности — стройному телу, движениям, личику. Это была сто-процентная женщина.

Жанна не раз напоминала приятелям, что у нее должен появиться какой-нибудь программный козырь, который побьет в сезоне все прочие.

— Хоть бы один из вас что-то для меня придумал! — говорила она кокетливо, прищуривая глаза и словно поощряя толпу своих почитателей выйти на бой друг с другом.

— Может, это...? — начинал первый, закуривая папироску, и начинал пересказывать какую-то новеллу, только что вычитанную в кафе из журнала.

— А если это...? — перебивал второй, расцвечивая жалкой фантазией «пуант» другого каbare.

Только Макс спокойно восседал в кресле, ничуть не напрягая воображение. Ему не нужно было добиваться симпатии Жанны.

Жанна заметила, что Курт глубоко задумался, искренне стараясь ей помочь, и шутливо хлопнула его по носу сложенной программкой:

— Мы что-нибудь придумаем, верно?

*

С той минуты Курт Ремер начал, не покладая рук, искать для Жанны козырь. Что, если ее дискретный жест означал обещание? А поскольку судьба распорядилась так, что он занимался прошлым Египта, его фантазия, естественно, витала в тех краях и временах.

Однажды Курту показалось, что он что-то нашел. Это была история царицы Мен-ка-ре, которую греки называли Нитокрис. Когда девушка купалась в реке, орел унес ее золотую сандалию. Затем орел выпустил сандалию из клюва и она упала на колени фараона, когда тот сидел в тронном зале. Фараона так поразила прекрасная сандалия, что он приказал разыскать ее владелицу. Красота молодой Нитокрис очаровала царя, и он женился на ней...

Сгодится ли этот мотив?... Нитокрис танцует. Потом купание. Рабыни. Фараон тоже может танцевать. Пусть примеряет сандалию на ножки разных красивых девушек, которых приказал собрать по всему царству. Триумф Нитокрис — сцена первой встречи... Может получится совсем неплохой балет. Добавить бы оригинальную музыку...

Макс испортил все подчистую. Сразу вспомнил, что Нитокрис и фараон тут не при чем — это же известная сказка о Золушке.

— Но моя история на тысячи лет старше, — ответил раздраженный Курт.

— Кого из публики интересует, что египтяне рассказывали сказку о Золушке задолго до нас? Главное, история банальна и всем известна. И наконец, как прикажешь Жанне скакать по сцене в одной сандалиии?

— Да, это правда, Курт... было бы очень неудобно танцевать, — согласилась Жанна.

— И еще одно. Нельзя же устраивать целое ревю и заполнять всю сцену артистками! Тогда все будут смотреть на кордебалет или слушать музыку, а Жанну никто и не заметит.

Курт молчал, но был по-прежнему полон решимости придумать для Жанны действительно убийственный «козырь».

*

Новый Год. «Союз светлых надежд» решил провести вечер вместе. Курт наплевал на сцену, которая ждала его дома — нужно же хоть раз в году весело провести всю ночь. Ближе к вечеру нетерпеливо вышел на улицу и решил почитать журналы в кафе.

На обложке одного из журналов была изображена Нефрет. Ее нарисовали в виде красивой и сонной девушки, выходящей из ванны.

Жанна вернулась из варьете немного утомленная и тихо сидела за столом. Макс штудировал меню и советовался с кельнером о новогоднем ужине, который должен был чем-то отличаться от всего испробованного за год. Курт вертелся, как на иголках.

— К черту! — воскликнул он. — Макс!

— Чего тебе? Даже не даст человеку сделать заказ.

— Жанна! не двигайся. Сиди спокойно. Макс, глянь на нее. Нет, с той стороны. Ну?

— Что? Испачкалась или шляпка помялась?

— Как же ты не видишь?! Жанна выглядит совсем как Нефрет...

— Какая еще Нефрет?

— Посмотри на эту обложку!

Макс вынужден был признать, что с опущенными глазами Жанна была очень похожа на египетскую царевну.

— Я так рад, что нашел для нее сюжет! — сказал Курт и толкнул Жанну коленом под столом.

Макс понял и его невысказанную мысль:

— Смотри только, если она станет горевать по тебе, то не сможет танцевать.

Курт был в прекрасном настроении и в честь своей гениальной идеи — пусть над ней и посмеивались друзья — заливался коньяком. Выпил столько, что не заметил, как Макс взял Жанну под руку и вышел из ресторана.

*

Курт Ремер пылал энтузиазмом. Его мучили мысли о Жанне. Она не отходила от Макса и даже не позволяла надевать на себя чулки. Видимо, Макс в последнее время неплохо заработал: Жанна получила прекрасное новое платье и теперь с ней было приятно показаться на улице или в кафе.

Курт пошел в музей взглянуть на Нефрет.

— Вылитая Жанна. Правда, у египтянки другие брови, но зачем существует косметика? Надо поспешить. Это будет сенсация!

Курт верил, что счастье ему улыбнется, нужно только его поймать.

Один известный берлинский журнал начал печатать роман из египетской жизни, а большая кинофабрика решила перенести его на экран. На станциях подземной железной дороги висели огромные плакаты: *«Царевна Нефрет. В главных ролях лучшие артисты»*.

Куда ни глянь — повсюду Нефрет.

*

У Курта имелись все причины злиться. Подошел к телефону и вызвал Макса.

— Ты умеешь только глупо шутить и переходить дорогу другим.

— Что ты от меня хочешь?

— Я насчет Нефрет.

— У тебя не все дома.

— Нефрет могут у нас похитить.

— Кто, как, что за глупости ты мелешь?

— Говорю тебе, нужно спешить... Жанна может сделать карьеру. Она — живая Нефрет.

Макс принялся насвистывать в телефон мотив из «Бананов».

— Вот видишь, ты всегда такой... Помощи от тебя не дождешься... Жанна прославилась бы за один вечер.

Макс засмеялся:

— Если слава у тебя в кармане, то поезжай сейчас к Жанне и вручи ей лавровый венок.

*

Курт так и сделал. Жанна с улыбкой выслушала его и сообщила, что уже побывала с Максом у директора варьете.

— Мы показали ему фотографию Нефрет и он согласился, что я очень на нее похожа. Еще мы принесли ему вырезки из журнала с романом, о котором вы с Максом упоминали, рассказали о подготовке к съемкам фильма и о книге профессора Райта. Один адвокат сказал Макс, что эта книга не относится ни к литературе, ни к науке и отсюда можно будет взять нужные факты без уплаты авторского гонорара. Рекламу сделаем огромную, чтобы поднялся шум и получилось заработать. Директору понравилась идея и он уже поручил одному автору подготовить сценарий представления.

Курт понял, что Макс, которого он считал близким приятелем, просто-напросто украл его идею, да еще и поднял его на смех, стараясь не возбудить в нем никаких подозрений. Жанна Бельмар сочла это свинством и честно признала, что идея принадлежала Курту.

Макс просчитался относительно Курта, когда иронически посоветовал ему бежать к Жанне — и относительно Жанны, решив, что Курт ей ни к чему. Теперь, когда Курт сидел перед ней и с восторгом рассказывал, как он нашел для нее роль и как радовался ее будущему успеху, она была ему искренне благодарна.

*

Афиши на улицах города сообщали о новом балете, посвященном египетской царевне, а египетская царевна так же ничего не знала о своей славе, как и тот, кому она была этой славой обязана. Райт часами сидел с Нефрет в закрытой отныне для публики комнате, испытывая новый аппарат. В шлеме, напоминавшем тиару, Нефрет выглядела еще импозантнее.

Изобретатель «Паралоса» объяснил профессору, как обращаться с аппаратом, выразив при этом некоторые опасения — и надежду, что аппарат все же выполнит свое пред-

назначение. Увидев, как благодаря току, проходившему по многочисленным проводам, Нефрет задвигалась, Райт поспешил распрощаться с изобретателем, словно не желая делить с ним честь такого важного открытия.

Нефрет двигала руками и ногами, открывала глаза и вставала со своего ложа. Для Райта это было невероятным событием. Оставшись в одиночестве, он стал дрожащей рукой нажимать на кнопки электрической машины, точно ребенок, получивший в подарок куклу, которая умеет ходить и произносить отдельные слова. Он держал одну руку на кнопках и клавишах, а другой поддерживал царевну — как больную, начавшую выздоравливать.

Пришла минута, когда Райту стало казаться, что он перестал нажимать на кнопки. Но, несмотря на это, он видел перед собой Нефрет: она моргала глазами и прикасалась к его руке. Он не мог совладать с волнением, не находил силы воли прервать игру с машиной, которая слилась для него с Нефрет в нечто таинственное и загадочное.

Райт наклоняется к Нефрет и заглядывает ей глубоко в глаза. Ее губы шевелятся, словно она хочет что-то сказать. Да, он не ошибся — слышен шепот, такой тихий, что только сердце может его расслышать: «Сатми...»

*

Однажды утром Райта нашли в обмороке. Рядом с ним в паутине скрученных, оборванных проводов лежала на полу Нефрет. Было очевидно, что Райт в припадке безумия сам разбил аппарат, так как от простого падения машина не могла прийти в такое состояние.

Мэри посоветовала Райту обратиться к специалисту по нервным заболеваниям, но он заявил, что чувствует себя не так плохо и не нуждается во врачебной помощи. Он просто переутомился. Если потребуется, он на несколько дней прервет работу, отдохнет, попьет лекарства. Этого вполне

достаточно.

Еще год назад Мэри отнеслась бы к такому заявлению совсем иначе: сама позвала бы врача, настаивала бы, чтобы муж прислушался к ее советам. Но сейчас Райт казался ей чужим человеком — он занимался своими делами и мало думал о ней. Пока в доме было спокойно, она думала, что все не так уж плохо. Бывали дни, когда она скучала, но чаще находила для себя мелкие повседневные развлечения в разговорах со знакомыми, хозяйстве, кино и театре.

Мэри напоминала себе, что многие ученые по целым дням работают, а их жены живут точно так же, как она и не особенно жалуются на свою судьбу.

*

Дирекция театра, где готовилась постановка о Нефрет, согласилась взять Курта Ремера, как знатока египетской старины, на должность художественного консультанта. Представление должно было свидетельствовать о понимании эпохи и стиля: современная публика иногда в таких делах разбирается.

Курт Ремер пришел на репетицию, поделился некоторой научной информацией, касавшейся декораций и обстановки, вспомнил несколько исторических дат и стал ждать выхода Жанны Бельмар. Никто не интересовался, что он здесь делает и следует ли чем-нибудь дополнить «древне-египетские» сцены.

Сценарий подготовленного для варьете зрелища был глуп, простоват и рассчитан на публику, которая мало интересовалась гробницами фараонов и историей их знаменитой свояченицы. Для наивно-грубой фантазии сценариста хватило и того, что писала в свое время пресса о приключениях Райта в Египте. Английский путешественник осматривает какие-то развалины. Затем, устав в дороге, выпивает большую порцию виски и ложится спать в царской гробнице. Путешественнику снится, что со стен усы-

пальницы сходят всевозможные фигуры, а из одного саркофага выходит живая царевна. За царевной гонится какой-то жрец, она убегает... Статуя бога тоже оживает и преграждает царевне путь. Живые люди, мертвецы и тени смешиваются в кучу; все они танцуют. Царевна умирает, сраженная местью бога, и призраки укладывают ее обратно в саркофаг. Фигуры расплываются, снова превращаются в рисунки на стенах.

Повесть о приключениях исследователей в Каире, которую начала печатать с продолжениями какая-то газета, также не слишком далеко отходила от подобного сценария.

Тем временем кинофабрика, готовившая фильму на основе журнального романа, выстроила в Нойбабельсберге целый городок. Некоторые говорили, что собираются построить и пирамиду. Публика спорила, будет ли в фильме показана битва египтян с эфиопами. Артисту, который должен был играть роль фараона, пришлось обрить голову и на него показывали пальцами в кафе как на живую рекламу.

Директор варьете потирал руки:

— Наконец-то мы сможем чем-то зацепить публику! Песни и танцы. В Египте одевались легко. Хи-хи! На костюмы понадобится совсем немного ткани, а музыку возьмем не из «Аиды», будьте уверены. Все будет оригинальное, от музыки до декораций!

*

Жанна переняла манеры великих артисток и обращалась с Максом безжалостно, заставляя его удовлетворять свои прихоти. Макс потихоньку расстраивался: даже его большой талант к комбинациям — в столь благоприятные для комбинаторов времена инфляции — имел свои пределы. Директор варьете обхаживал Жанну, ожидая сенсации, и выдавал авансы в счет сборов от первого спектакля.

Жанна не переставала как можно ласковой улыбаться Курту, который снабжал ее «научными» советами из области египетской древности. Эти советы обходились Курту в цену самых скромных посещений кафе и кондитерских с дамой, испытывавшей после поедания сладостей ужасную жажду.

*

Разуверившись в «Паралосе», электричестве, аппаратах и изобретателях, Райт вернулся к своим прежним одиноким сеансам. Он открывал витрину, садился рядом с Нефрет и всматривался в нее в долгой задумчивости. Лицо было тем же, так хорошо ему известным, но в любую минуту могло измениться...

Райт верил в силу своей воли, верил, что мир явился в волевом акте и что человек является господином своего счастья в той мере, в какой желает чего-то долго и сильно. Сердце Нефрет перестало биться по какой-то ничтожной причине, нарушившей божественную гармонию ее мира. Несомненно, эта причина исчезнет, как только он сумеет найти в себе вдохновенную волю и высшее желание.

Ему вспомнилось одно грустное стихотворение Нефрет. Кто знает, быть может, оно вырвалось из ее груди лебединой песней в страшном предчувствии близкого конца?

*Мне песни известны, что издревле зывают
со стен усыпальниц,
Бытие восхваляя земное обители вечной в ущерб.*

*Зачем они сводят на нет славу загробного мира, —
Страны справедливой, блаженной, где страху
нет места,
Обители упокоенья, чьим жильцам
омерзительны распри,
Где нечего ближних бояться, ибо нету вражды
в этом крае?*

дома. Так было легче, чем часами молчать и ждать слова от близкого человека, которому она сочувствовала, но ничем не могла помочь.

Мэри нашла для себя спортивное развлечение — верховую езду. Каждое утро появлялась на манеже Зоологического сада. Барон Бильдерлинг составлял ей компанию и учил обращаться с лошадьми. Говорил с ней так, словно муштровал солдат. Его больше интересовал тренинг, чем подопечная.

Мэри приезжала в мужской одежде, серых бриджах и лакированных сапожках с серебряными шпорами. Широкие поля глубоко надвинутого на лоб цилиндра затеняли лицо. Когда она поднимала голову, высматривая барона, напоминала пьющую воду птицу.

Мэри без труда научилась свободно держаться в седле, но ее пугали прыжки через высокие барьеры. Конь был послушен и кивал головой, когда всадница гладила его, будто прося помощи. Еще больше пугали ее крики барона: «плохо», когда она неловко садилась в седло или клонилась набок. Ей нравилось разгонять коня и сдерживать его бег, как опытной наезднице, побеждать в себе робость — но рядом с закаленным в боях воякой, не знавшим страха, все ее старания отдавали слабостью и нерешительностью.

Барон с наслаждением следил за движениями молодой женщины. Видел, как она мучается, пытаясь соответствовать его идеалу. Спорт для этого комнатного цветка был почти жертвой. Барон задерживал долгий взгляд на Мэри, и она чувствовала, что в такие минуты решается ее судьба — но не знала, что именно может заставить ее изменить свою жизнь. В замешательстве сравнивала Райта и того, другого. Райт был к ней равнодушен только потому, что его «захватила наука», барон же вообще не ценил в женщине человека.

«Райт предоставляет мне много свободы, барон не оставляет никакой...»

*

Нервы Райта были издерганы до предела, однако он не чувствовал усталости. Он наскоро подготовил отчет для «Общества исследований Египта»: нужно было доказать, что он не занимается одними глупостями. Ближайшие сотрудники удивлялись его спокойному и уравновешенному поведению. Как только он начинал говорить о своих исследованиях, к нему возвращалось душевное равновесие и вся повседневность отходила на второй план: личная жизнь, враги и соперники, сплетни, кружившие вокруг музея, как летучие мыши и совы.

Доклад Райта снискал необычайный успех. Его противники снова притихли — их поразил громадный объем знаний молодого ученого и бескорыстие, с каким он раскрывал все секреты своих исследований, как если бы они не являлись его личной заслугой или каким-либо индивидуальным достижением.

После доклада Райт пригласил Курта и нескольких других нескольких музейных сотрудников на ужин. Это было исключительное событие.

Маленький ресторантик с немногочисленными посетителями. Хозяин поклонился и повел гостей в отдельную, украшенную коврами комнатку. Не успели гости ознакомиться с меню и решить, чем отпраздновать успех своего профессора, как Райт погрузился в раздумья. Начали с ликеров и закусок. Курту хотелось вывести Райта из задумчивости. Он спросил, как продвигаются опыты с Нефрет.

Райт словно не до конца расслышал вопрос и заговорил:

— Людям крайне тяжело поверить в необычайное событие, когда они уже однажды утратили веру. Необычайным нам всегда кажется то, что противоречит законам природы. Но бывают явления, что переходят грань необычайного. Иные мы вообще не можем себе представить. Время от времени наша действительность сталкивается с чем-то таинственным, необъяснимым. Тогда мы отвергаем то, что не помещается в рамки нашего понимания. Мы часто пренебрегаем какими-либо необыкновенно ценными для развития наших знаний явлениями только потому, что не знаем, как

к ним отнестись. Наше отношение к прошлому состоит из непонимания и нежелания понимать. Я прекрасно знаю, что в вашем вопросе о Нефрет скрывается недоверие, а может быть, даже насмешка.

Курт сделал отрицательный жест, хотел что-то сказать. Райт оборвал его:

— Иначе и быть не может. Египтяне слишком высоко ценили жизнь, чтобы не пытаться разгадать тайну смерти. Им, как и нам, были известны случаи ошибочной констатации смерти и погребения людей заживо. Сегодня нам известны и другие случаи — хирург с помощью быстрого и умелого массажа сердца может оживить умершего. Имеется также явление анабиоза, пока еще не доказанное в приложении к теплокровным существам. Однако мы знаем, что замороженный организм пребывает в промежуточном между жизнью и смертью состоянии. Причиной смерти медицина считает какой-то изъян в нормальной работе организма. Можем ли мы с полной уверенностью заявить, что этот сбой не относится к области других явлений, более тонких, чем мы способны физически подтвердить? К примеру, гипнотическое состояние переносит нас в совсем другой мир, отличающийся от нашего. Египтяне знали этот потусторонний иной мир гораздо лучше нас, потому что магия у них была более развита. В средневековье мы видим некоторые элементы египетских тайн: процессы ведьм были следствием панического страха перед непонятными силами, дремлющими в человеке. Я убежден, что магия способна творить и добро, и зло. Добро и зло — лишь проявления одной и той же воли, обращенной то в одну, то в другую сторону. Современность снова приблизила нас к таинственным силам, но мы часто насмехаемся над ними. Мы дошли до границ таинственной страны, но боимся войти в нее. Мы стоим у врат тайны, но не отваживаемся переступить порог...

Райт смотрел прямо перед собой, будто забыв, где сидит и к кому обращается. Компания чувствовала себя неловко: за ужином, как-никак, люди должны отдыхать и развлекаться непринужденной беседой... Курт решил попра-

вить настроение и вновь наполнил рюмку Райта. Райт машинально выпил, за ним все остальные.

Макс был уже пьян и не следил за языком.

— Не считаете ли вы, господа, что профессор Райт немного напоминает пастора, почтенного пастора? А когда он начинает излагать про Египет, то будто читает проповедь в церкви?

Курт начал сильно дергать приятеля за рукав. Райт не отреагировал и продолжал спокойным голосом:

— Самое главное — это сильная вера и сильная воля. Вот чего не хватает ученым, которые руководствуются исключительно разумом. Когда я произношу имя царевны, я вкладываю в него всю силу своей воли и пытаюсь пробудить к жизни все, что еще живет и должно жить в ней. Моя воля должна разорвать невидимую завесу, отделяющую ее от нашего мира и нашего времени. Мне кажется, это желание зародилось во мне не сейчас, не в последние годы, когда я начал интересоваться Древним Египтом, а жило во мне, когда я только появился на свет... нет, я неправильно выразился — когда я еще не появился, когда я три тысячи лет назад бродил по Египту...

— О, да вы, профессор, старше, чем выглядите... — пошутил кто-то на другом конце стола.

Профессор не слышал, не хотел слышать.

— Да, друзья мои, я не могу сетовать, что загубил свою жизнь... я вправе говорить о великом счастье: я знаю, как надо жить, чтобы осуществить свое наивысшее желание. Я открыл его. Оно именуется «Нефрет».

Макс захлопал в ладоши и крикнул:

— Кельнер! шнапса! Компания желает выпить. Хотим осуществить свое наивысшее желание. Оно именуется «шнапс»!

Было недалеко до скандала. Когда на столе появилась новая бутылка, поднялся такой шум, что в нем утонули протесты Курта и смех его товарищей, которые стали убеждать Райта, что Макс совсем пьян и что его нельзя принимать всерьез.

На следующий день Курт сидел в кафе с томиком Геродота. Он готовился к докторской диссертации на тему «Геродот в свете современной египтологии».

Рядом с ним сидели Макс с Жанной. Курт повернулся к ним:

— Послушайте. Интересная вещь. Кое-что относящееся к нашей бальзамически-душистой Нефрет. «Тела жен знатных людей отдают бальзамировать не сразу после кончины, точно так же как и тела красивых и вообще уважаемых женщин. Их передают бальзамировщикам только через три или четыре дня. Так поступают для того, чтобы бальзамировщики не совокуплялись с ними».

— Омерзительно! — воскликнула Жанна с выражением большого интереса на лице.

— Не понимаю, почему менее омерзительно позволить телу начать разлагаться и совершенно не огорчаться тем, что с ним произойдет, — сказал Макс.

— Дорогой мой! У египтян далеко не каждый удастался такой посмертной заботы о теле... Ты ведь слышал, что я прочитал. Не понимаю только Жанну... ее наверняка забальзамировали бы...

— Об этом тебе лучше спросить у господина Райта, специалиста по замороженным трупам. У тебя еще мало опыта с мумиями. Слышал, что твой профессор даже не допускает тебя к своей мумии. Ревнует.

— К какой такой «своей мумии»? — поинтересовалась Жанна.

— Пол-Берлина знает об этом, а ты задаешь глупые вопросы.... Райт по целым дням запирается в своем кабинете с египетской царевной, которую ты будешь играть на сцене, и пробует ее оживить...

— Не шути, Макс. Глупости!

— Спроси Курта.

— Курт, это правда?

Курт молча кивнул головой.

— А сколько лет твоему профессору?

— Примерно три тысячи... так он сам сказал нам вчера....

— Только не остри. Просто хотела узнать. Любопытно слышать, что сегодня еще встречаются такие чудачки.

— А когда же их не было?!

— Я быстро отучила бы его от этой мании...

— Интересно, как?... Попыталась бы занять место Нефрет? А знаешь, Макс, это идея...

— Но-но, оставь Жанну в покое со своими идеями. Кажется, ты хочешь отправить ее вместе с Райтом в сумасшедший дом. Он уже скоро там окажется. Если бы вчера в нашей компании сидел какой-нибудь психиатр, он охотно выписал бы ему свидетельство для лечения в санатории.

— Ты меня не понял, Макс. Я совершенно серьезно думаю о том, как избавить такого одаренного человека от его *idée fixe*... жаль его труда, таланта...

— Но что общего у всего этого с Жанной? Ты уже сделал ее египетской царевной танцевального зала...

— Макс! Прошу запомнить, что мой театр — никакой не танцевальный зал... — вспыхнула Жанна.

— Да будет тебе! Хорошо, «Ла Скала» или «Метрополитен-опера», мне все равно... Я обращался к Курту. Он вскрыл тебе голову какой-то египетской мумией и теперь ты стала так задирать нос...

— Макс! Если ты меня еще раз оскорбишь...

— Почему вы так кипятитесь? Я всего лишь рассуждал вслух... давайте спокойно пить кофе... Погодите, я хочу вам еще кое-что рассказать о Геродоте. Этот греческий историк утверждает, что по верованиям египтян человеческая душа — бессмертна и что она после смерти тела немедленно переходит в тело другого существа, которое в ту самую минуту рождается. Когда же душа побывает в телах всех животных и птиц, живущих на земле и в воде, она вселяется в тело младенца, который рождается в миг последней смерти. Это великое круговращение души продолжается три тысячи лет.

— Странное дело, — злобно заметил Макс. — И как это ты родился человеком? Тебе подошло бы быть... попугаем. Ничего не можешь придумать самостоятельно, только повторяешь то, что вычитал из книг или услышал от профессоров.

— А сам ты что-нибудь придумал?! Подожди, я еще такое придумаю, что тебе жарко станет!

— Опять?! — вскричала Жанна и разняла приятелей, которые начали уже насакивать друг на друга, как задиристые петухи. — Ах, какие вы скучные!

*

Курта Ремера удивило поведение Райта. Дело было в музее через несколько дней после совместного ужина. Райт просматривал записи ассистентов с нескрываемым недовольством, очевидно, не находя в них ожидаемых им выводов. Ничего не объяснял, только бросал язвительные упреки:

— Вы мало работаете.

— Ваше внимание рассеяно, вы думаете о совсем других вещах, а не о работе.

— Совершенно неправильный подход.

— Я ожидал от вас большего.

И Курту:

— Как вы можете готовиться к докторату, не зная таких простых вещей?!

Вышел из кабинета надутый и будто обиженный, оставив ассистентов теряться в догадках. Как ему угодить? Они отшучивались:

— У него не в порядке нервы.

— Слишком долго находился в обществе трупов.

— Надо бы его куда-нибудь вытащить на свет божий!

*

Сцена ревности, которую Макс устроил Курту, позабыла молодого египтолога. Курт не скрывал своих симпатий к Жанне, но вел себя с ней корректно. Макс не смог оценить его помощи Жанне: ведь это он, Курт, придумал сенсационную роль, что станет поворотным пунктом ее сценической карьеры. Жанна его помощь оценила и с радостью отблагодарила бы Курта, если бы не страх перед Максом, служившим для нее символом всемогущего капитала.

«Артистка, мой дорогой, — говорила она, — не может жить одним талантом, ей нужен хлеб... и к тому же с маслом. Понимаешь?»

Курт понимал даже слишком хорошо, потому что сам прибегал к помощи Макса, когда его баланс оставлял желать лучшего.

Но горечь не проходила. Мало того, в часы работы, когда он так нуждался в спокойствии, над ним нависала тень Райта. Все это приводило Курта в дурное настроение.

Однажды вечером у него возникла мысль свести Жанну с Райтом, но резкие возражения Макса прогнали ее вместе с желанием проявлять какую-либо инициативу.

*

Как-то раз, когда Курт выходил из музея, Райт окликнул его:

— Подождите. Пойдем вместе.

Курт молча стоял в коридоре и ждал профессора.

— Пообедайте со мной.

В ресторане Райт велел подать коньяк и выпил две-три рюмки, не дожидаясь закусок.

— Не удивляйтесь, что я разогреваю себя. Это хорошо влияет на мозг. Что вы думаете о галлюцинациях?

— Я никогда ими не интересовался и, должен признать-
ся, никогда их не испытывал. Иногда на улице мне может
кто-то привидеться или ночью возникает впечатление, что
я слышу какой-то знакомый голос или даже мелодию...
но это все обычные явления... не то иллюзии, не то воспо-
минания... Не знаю даже, имеют ли они что-нибудь общее
с галлюцинациями.

— А у меня по ночам, во время работы, не раз появля-
лось совершенно явственное чувство, что между мной и сте-
ной встает какая-то фигура. Я вижу ее так отчетливо, что
боюсь встать и притронуться к ней рукой, чтобы проверить,
там ли она.... Я убежден, что дело в нервном напряжении...
это сознательное усилие, попытка приблизить к себе чело-
века, о котором я думаю уже давно...

— И вы уже пробовали проверить...?

— Проверить можно только тогда, когда я буду абсо-
лютно уверен, что не ошибаюсь. Я могу все уничтожить од-
ним неосмотрительным, преждевременным шагом... Здесь
главное — сама подготовка. Ошибок делать нельзя. Вы ме-
ня понимаете?...

— Не совсем.

— Я читал, что время — вещь совершенно условная, и
что в духовной сфере три минуты или три тысячи лет по
смерти не составляют такой уж существенной разницы,
тем более, если учесть, что жизнь на нашей земле сущест-
вует миллиард или сколько-то там миллионов лет. Может,
время является лишь одной из форм пространства, а изве-
стно, что пространство теперь не играет никакой роли...
Возьмите, к примеру, радио. Кто-то говорит за десятки ты-
сяч миль от вас, тысячи людей говорят одновременно по
всей земле, и вы можете их приблизить к себе с помощью
обычного радиоаппарата и слышать их так, как если бы они
находились рядом с вами. Почему же нельзя услышать тех,
кто обращается к нам через бездну трех тысяч лет? Ведь с
научной точки зрения они только что замолчали, их голоса
доходят до нас только сейчас... совсем как с расстояния в
три или тридцать тысяч километров.

— И вы поставили эксперимент, господин профессор?

— Я утверждаю, что радиоаппарат намного менее развит, чем аппарат, называемый человеческой душой. Внутри нас есть такие же антенны, мы владеем такими же волнами, что способны распространяться на значительные расстояния... нет, не такими же, а более тонкими, всепроникающими... На каком основании я это утверждаю? На том, что я хорошо слышу кое-какие голоса людей далекой эпохи, когда были созданы те глиняные таблички, над которыми вы просиживаете целыми месяцами, пытаетесь разобрать несколько слов...

— Интересно, очень интересно... — замялся Курт, потеряв охоту к дальнейшим расспросам. — Отличный коньяк, господин профессор... налить вам еще? Не удивляюсь, что вам понравился этот напиток — от него не отказались бы и *наши* египетские боги.

Райт пил, задумавшись и не замечая собеседника.

*

— Жаль человека, — говорил себе Курт. -- Лучше всего было бы сдать его в санаторий, но как?...

На следующий день в музей зашла Мэри и попросила Курта уделить ей несколько минут для разговора.

— Должна вам откровенно сказать, что я опасаясь за здоровье своего мужа и не вижу способа ему помочь. Я предоставляю ему свободу, не спорю с ним и все надеюсь, что через месяц-два его работа примет другое направление...

— Я тоже обратил внимание на его состояние вчера, когда обедал с профессором. Самым правильным выходом был бы санаторий... но я понимаю, что...

— Я уже советовалась с врачами. Они спрашивают о симптомах. Но мне трудно им что-либо ответить... Внешне он кажется совершенно нормальным. Все говорили, что его доклад произвел прекрасное впечатление, хотя я, честно говоря, боялась скандала. Я по целым неделям его не вижу...

У меня нет возможности понаблюдать за ним. Вам это намного легче сделать. Именно с такой просьбой я хотела к вам обратиться. Не могли бы вы внимательно проследить за его расписанием и работой и все аккуратно записать? Не для меня, а для врачей — они нуждаются в этих сведениях для диагноза.

— Конечно, к вашим услугам, я всегда рад помочь...

*

Согласно наблюдениям Курта, Райт в некоторые вечера запирался в кабинете, где лежала теперь в своем саркофаге Нефрет, и часами просиживал неподвижно, погруженный в задумчивость — лишь изредка вскакивал, чтобы записать несколько слов. При соучастии сторожа, который уже привык к чудачествам профессора, нетрудно было даже следить за ним в замочную скважину — свет падал прямо на фигуру Райта.

Все, что они видели, подтверждало известные факты: Райт проводил какие-то непонятные эксперименты. Он не напрягался, не выказывал особых усилий — просто сосредоточенно сидел рядом с телом Нефрет. Так сидят порой люди, угнетенные потерей близкого человека, прежде чем осознают, что смерть унесла этого человека навсегда и его не вернуть обратно. Но в выражении лица Райта не было боли или тоски. Он сиял улыбкой радости — совсем не той вежливой, натянутой улыбкой, с какой здоровался каждое утро со своими подчиненными.

Курт подумал, что сумасшедшим даровано блаженнейшее состояние: они видят только мир своего воображения.

*

В музее и в научных кругах начали упорно поговаривать, что драгоценные коллекции нельзя и впредь доверять

человеку, который занят одним собой, но никак не музеем и все реже встречается со своими сотрудниками. Высказывалась мысль, что Райт, оказавшись замурован в египетской усыпальнице, пережил потрясение и с того времени так и не оправился, а возможно, никогда не выздоровеет. Некоторые считали, что Райт достоин уважения как гениальный исследователь и смелый первооткрыватель, но пост директора должен занимать человек практичный, трезвомыслящий и обладающий организационным талантом.

После смерти Стакена Райт так быстро занял его место, что никто не удивится, если этого поспешно выбранного ученого заменят кем-нибудь другим.

Курт слышал все эти разговоры, беседовал с товарищами по работе, которые лучше других ощущали тягостную обстановку. Раздавались и иные голоса: если бы кто-нибудь убедил директора взять отпуск на месяц-два и подлечить нервы, говорили они, Райт несомненно забыл бы о своей египетской царевне. Кстати, пока он будет отсутствовать, Нефрет можно перевезти куда-то еще или обменять на другой древний памятник, скажем, из Британского музея...

— Обменять Нефрет?! — подскочил Курт, услышав это предложение. — Да вы понимаете, какую ценность имеет подобный образец...

Но в этот миг он осознал, что больше думает о Жанне, чем о мумии, призрак которой никогда не посещал его даже в самых беспокойных снах.

*

До сих пор Жанна читала одни уголовные и салонно-пикантные романы. Возможно, она и не знала, что существуют еще научные книги, где авторы излагают безумные и невероятные теории. Курт решил пополнить ее образование в области египтологии и купил Жанне последнюю книгу Райта о Нефрет, надеясь также, что она сможет

вложить в свою сценическую роль немного профессиональных знаний.

Жанне очень понравилась история Нефрет — но не как научное исследование, а как роман, напомнивший ей не одно собственное переживание. Она поняла, что любовь царицы на самом деле ничем не отличалась от любви бедной девушки в большом городе и что их судьбы были очень похожи.

В разговоре с Куртом Жанна еще раз поинтересовалась внешностью Райта и спросила, напоминает ли профессор египтянина.

— Что это тебе взбрело в голову? — удивился Курт.

— Человек, так хорошо понимающий Египет, должен иметь с ним что-то общее... Кто знает? может, его предки...

— Предки — вряд ли. Но когда наш профессор женится на Нефрет, пробуждения которой он ждет, как царевич в сказке, их дети наверняка будут страдать египетским козглазием.

Курт не понимал сердца актрисы кабаре, тосковавшего по романтической кинодраме. Профессор от пирамид и мумий был для Жанны ничуть не менее романтическим героем, чем средневековый рыцарь или нью-йоркский миллионер.

— Ты ревнуешь меня, как Макс, — рассмеялась она.

— К профессору Райту? Дорогая, только представь, что женщины младше трех тысяч лет для него не существуют. У Райта красивая, молодая, интеллигентная жена — но он предпочитает проводить ночи в музее, в обществе своей мумии и глиняных табличек с иероглифами.

— Но ведь ты можешь нас как-нибудь познакомить... так, интереса ради...

— С удовольствием. Я уверен, что и ему было бы интересно. Может, он даже поверил бы, что в нашем городе живет вторая Нефрет...

Курт не договорил — его осенила мысль, которую он считал гениальной, пообещав себе еще раз все обдумать.

Театр «Уфа» неподалеку от Зоологического сада. Море электрического света. Предпреьера для приглашенных гостей, в основном прессы, людей искусства — так называемого «художественного света». Актеры, профессора, режиссеры. Афиши обещали сенсацию на фоне аутентичных картин жизни Египта, основанных на научных исследованиях.

Длинный ряд машин, из которых выходят наймоднейшие туалеты. Каждой даме хочется сравниться с египетской царевной или по меньшей мере сиять, ослепляя всех, кто станет в антракте глазеть на публику.

Жанна Бельмар на афишах — главная аттракция вечера. Отныне не Бельмар и не Жанна, а «Нефрет». Так называют ее теперь за кулисами. Прозвища артистов быстро распространяются в публике вместе с новейшими сплетнями и оценками спектаклей и талантов.

Курт получил входной билет, но место было неудачное и он плохо видел сцену. Правда, ему был обещан билет получше на завтра, на премьеру. Сейчас он пришел лишь удостовериться, что Жанна сдержит свое слово.

Его интересовала не сама постановка, а идея, которая возникла у него на неделе. Сейчас она вырисовывалась перед ним с необыкновенной ясностью. После премьеры Жанна скажет Максу, что должна идти на ужин с директором театра и труппой — и улизнет с Куртом, который познакомит ее с Райтом.

Курт твердо заявил Жанне, что Райта невозможно заранее пригласить в ресторан или в кафе. Надо будет сначала заехать за ним в музей. Он часто приходит туда вечером и просиживает далеко за полночь. Сторож получит на пиво и впустит их через боковой вход, а к тому же сам протелефонирует Курту, когда Райт появится в кабинете.

По расчетам сторожа, директор должен был обязательно прийти в музей завтра. Да, завтра, после спектакля, будет удобней всего неожиданно посетить Райта.

Курт не сказал Жанне всей правды. Он продолжал рабатьивать в голове точный план ее встречи с Райтом.

*

После предпремьеры Жанна поехала на ужин с Максом и Куртом. Тем скорее Макс оставит ее в покое на следующий день; да и ужин с трупной выглядел вполне естественно.

Жанна радовалась успеху и надеялась на хвалебные рецензии. Курт гордился придуманным им сюжетом постановки, тем более что все называли его «оригинальным». Некоторые только сейчас начали интересоваться книгой Райта, не в силах разобраться, кем приходилась Нефрет Тутанхамону или Сатми — лорду Карнарвону.

— Ты не поверишь: за кулисами мне шепнули, что многие в зале приняли меня за жену Райта, — смеялась Жанна.

— Среди зрителей дураков всегда хватает, — заметил Макс.

— А разве это так уж невероятно? — вспыхнула Жанна.

— Невероятно? Для любителей сенсаций вероятной становится любая чепуха. Я совсем не удивлюсь, если прочитаю завтра в каком-нибудь низкопробном журнальчике, что Райт нашел в египетских руинах девушку и женился на ней, что девушка затем бросила его и поступила в кабаре, а новое египетское правительство решило вмешаться и встать на защиту интересов Нефрет в Германии ввиду угрозы разлива Нила и страшного наводнения.

— А правда, что профессор Райт, автор книги о Нефрет, очень знаменит?

— Во всяком случае, не знаменитей тебя!... Сравни размер его книги с величиной твоих афиш!

*

Обещание познакомить Жанну с Райтом было частью более широкого плана Курта. Он решил бросить тень на все эксперименты Райта, опровергнуть все его убеждения с помощью простого довода, который должен был потрясти профессора до глубины души. Спрятать Нефрет и положить на ее место Жанну. Либо Райт поверит, что Нефрет ожила, либо увидит перед собой прекрасную незнакомку и... впадет в ярость, а может, Жанна не выдержит, захихикает и начнется веселая сцена — это уже значения не имеет.

Курт убеждал себя, что не ставит цели высмеять Райта — хоть это и было его глубочайшим желанием. Все рассуждения профессора об оживлении тела, бальзамировании, сильной воле и фактически несуществующем времени он расценивал как обычные плоды больного воображения. Будучи верным учеником Стакена, Курт считал, что Райт заводит точные исследования в тупик фантазий, чем наносит вред достоинству науки и подрывает свою репутацию талантливого ученого. Из этого следовал единственный вывод: Райта необходимо было спасти как можно скорее. И поскольку теоретические аргументы профессор отмечает, лучше всего будет прибегнуть к эксперименту реальному.

В музей не войти, когда Райт уже будет в своей кабине: не получится незаметно привести Жанну. Кроме того, предварительно нужно вынести Нефрет и спрятать тело в безопасном месте. Курт еще раз обдумал кое-какие детали и договорился со сторожем, что они вместе все подготовят, пока Райта не будет, а потом уже сторож вызовет профессора телефонным звонком.

*

После спектакля Курт ждал Жанну у театра. Авто стояло наготове. Жанна сама оплатила поездку — получила хорошую плату сверх контракта и хотела показать, что в деньгах не нуждается.

Сперва поехали ужинать: Жанна была «голодна как крокодил». У нее был твердый принцип не есть ничего перед выступлениями, чтобы чувствовать легкость в танце. «Набитый желудок хорош для тех, кто в театре может позволить себе развалиться в креслах и дремать, а не для нас — артистов», — так объясняла она свое воздержание.

Курт сказал Жанне, что ужинать придется второпях, так как нужно успеть все как следует подготовить в музее. Только за столиком он собирался раскрыть ей детали своего плана.

Пока кельнер носил закуски, Жанна жадно выпила несколько коктейлей, подсунутых ей Куртом. Коктейль действует на пустой желудок мгновенно и сильно — не понадобится тратить много времени на вино. Весь план Курта строился на том, что Жанна быстро опьянеет, хотя и не настолько, что станет цепляться к каждому его слову. Он так еще и не решил, что ей сказать, а что скрыть, чтобы задуманная сцена в музее удалась.

— Сторож будет ждать? — нервно спросила Жанна.

— Он ждет целую неделю. Наверное, отсыпается днем.

— Любопытно, как музей выглядит ночью.

— А днем ты его видела?

— Думаешь, в Берлине нет ничего более интересного, чем твой музей с мумиями? Или считаешь, что за последние недели у меня выдался хоть один свободный день?

— Я думал о другом... Может, ты хочешь взглянуть на египетский отдел, учитывая твою роль...

— Какой ты упрямый! Сам убеждал меня, что все нужное для спектакля я найду в книгах — и что даже книг мне никаких не надо, потому что для научной достоверности у меня есть ты. Когда ты принес мне книгу Райта, я уже была готова к роли и читала ее больше для собственного удовольствия.

— Да, ты права. Но теперь это уже неважно. Спектакль встретили замечательно, а музей...

— Музей меня тоже не интересует... Я давно подозреваю: ты просто не хочешь, чтобы кто-то меня там увидел — вдруг пойдут сплетни, что я к тебе заходила? Я хорошо знаю, как ты боишься отца.

— Боюсь? Смешно. Видишь, сижу с тобой в такой час.

— Представляю себе, что ты наплел дома! А, какая разница... Где же эта рыба под майонезом?

Курт, спокойно сидя на диванчике, попытался заговорить деловым тоном:

— Видишь ли, любимая... Я хотел тебя проинформировать, что твоя встреча с профессором Райтом состоится, так сказать, всецело инкогнито. Приняты все меры к соблюдению правил дискретности...

— Но мне-то совершенно все равно! Пускай хоть все до единого узнают... Я свободна делать, что захочу, и даже сам директор театра не имеет права вмешиваться в мою личную жизнь... — горячилась Жанна под заметным влиянием алкоголя.

— Я не об этом... Речь идет о положении Райта... ну, и о моем. Если люди узнают, что мы сговорились со сторожем, нас могут обвинить в каком-то шантаже... Бог весть в каких махинациях... ты ведь понимаешь, что могут раздуть кампанию против... против... ну ладно, не хочется об этом говорить.

— Я тоже так считаю. Лучше скажи, что я там должна делать?

— Ты? — ничего, совсем ничегошеньки... Ляжешь на место египетской царевны и будешь ждать, пока не войдет Райт. Старайся не шевелиться и, когда он приблизится...

— Но он может меня узнать!

— Как же тебя узнает, если никогда не видел?...

— Я имела в виду — когда он сообразит, что это шутка и захочет стереть меня в порошок. Нужно же будет что-то сказать ему в свое оправдание.

— Скажешь, что с тобой говорил по телефону сам профессор Райт, который заявил, что желает с тобой познакомиться и приглашает тебя туда-то и туда-то... а именно, в музей. Он был на спектакле, видел твою прекрасную игру, пришел в восторг и хотел лично...

— И он во все это поверит?

— А почему бы ему не поверить? Такие вещи происходят каждый день. Зритель видит актрису в какой-то роли и

хочет с ней познакомиться. Если он занимает такое видное положение, как директор музея, он подходит к телефону, представляется и просит позволения встретиться. Ты не имела причин отказать профессору и пришла на означенное место.

— А откуда я узнала, где это место находится?

— Не задавай глупых вопросов! Тебе дали точный адрес.

— А как я попала ночью в музей?

— Тебя провели какие-то незнакомые господа.

— А почему я залезла на кровать египетской царевны?

— Никуда ты не залезла! Сама увидишь, как естественно все получится. Все зависит только от твоего поведения. Как вести себя с профессором, ты должна будешь решить сама, увидев его реакцию на твое появление. В конце концов, я буду недалеко и в случае чего приду на помощь... Я рискую для тебя всем. Если меня вышвырнут из музея, тебе придется меня содержать.

— Я постараюсь устроить тебя в наше ревю. Будешь в гриме негра носить за мной опахало из страусиных перьев.

— Тебе хорошо шутить!

*

Было уже около полуночи, когда они остановились перед музеем. Сторож с конспиративной миной ждал у ворот. Курт нес под мышкой сверток с костюмом Нефрет, словно они собирались на бал-маскарад.

Вокруг царила тишина, какая обычно окружает подобные здания, не слишком оживленные и днем.

— Как только переоденешься, можно будет позвонить к профессору... — сказал Курт Жанне.

— А остальное?

— За остальное не беспокойся. Все пойдет по программе.

— А где переодеваться?

— Не волнуйся... увидишь.

Они шли по темным коридорам с электрическими фонариками в руках. Жанна осматривала барельефы и картины и оглядывалась по сторонам, точно стараясь запомнить дорогу.

— Не сказала бы, что здесь ночью очень приятно.

— Мы тоже этого не говорим, поэтому здесь никто не работает по ночам. Один только профессор считает, что музей лучше всего подходит для ночных размышлений...

— О, наш господин профессор! — осмелился поддерживать разговор сторож. Он чувствовал себя соучастником заговора, а значит, был на равных с ночными гостями.

Дальше гости шли молча. Сторож показывал дорогу, приговаривая:

— Тут ступеньки... попрошу осторожнее... пол каменный, можно легко поскользнуться... Здесь немного холодновато... курить в залах не разрешается...

Курт, получив от сторожа ключ, открыл дверь кабинета Райта. Окна комнаты были плотно закрыты темными шторами, не пропускавшими ни единый лучик света — Райт скрывал свои бдения от посторонних.

Курт взял Жанну под руку и подвел ее к гробу Нефрет. Встреча с царевной должна была стать для нее неожиданностью. Возможно, даже большей, чем свидание с Райтом.

Жанна испуганно замерла и тотчас невольно отшатнулась, тихо вскрикнув:

— Ах!

Курт поддержал ее, приобнял, словно хотел вернуть ее к действительности.

— Испугалась?

Она молча стояла с полуоткрытым ртом, не веря своим глазам. Перед ней лежала женщина, которая напоминала ее двойника... по крайней мере, могла быть ее сестрой.

— Скажи что-нибудь... что ты стоишь... Видишь же, что это мумия.

Жанна не двигалась с места.

— Но чтобы так...

— Так ты будешь выглядеть через три тысячи лет, когда душа вернется обратно к тебе, побывав в телах всех животных земли... — напыщенно произнес Курт, стремясь нагнать на нее подобающее настроение.

— Не понимаю, как ты можешь...

— Но-но! не впадай в экзальтацию... Я ежедневно работаю здесь — вон за тем столом... Тут нет никаких духов.

Жанна достала из сумочки зеркальце и оглядела себя: то ли вновь проверяла, так ли похожа на Нефрет, то ли боялась, что лицо, разгоревшееся от коктейлей и вина, пошло теперь бледными пятнами.

Курт взял ее за руку и повел за ширму.

— Здесь ты можешь переодеться, а мы с господином Шульцем тем временем кое-что приготовим... После выхода: проверим, все ли детали твоего костюма соответствуют этому забальзамированному оригиналу.

*

Сторож уже получил соответствующие указания и знал, где можно будет спрятать тело Нефрет. Как только Райт покинет кабинет с госпожой Жанной Бельмар, Нефрет вернется на прежнее место. Поддельный ключ он выбросит по пути домой в первый попавшийся канал. Никто его не заподозрит.

Жанна выглянула из-за ширмы. Курт, нервничая, принялся ей помогать — все детали костюма должны были совпадать с одеждой Нефрет. В отдельной шкатулочке были приготовлены грим, румяна и пудра. Жанна начала гримироваться. Руки ее немного дрожали — не то от выпитого вина, не то от потрясения, вызванного встречей с царевной-двойником, а может быть, от предстоящей сцены.

— Мы выкрутим лампочки в люстре, чтобы Райт не смог разглядеть тебя в ярком свете. При нем будет только карманный фонарик. Я буду здесь, за ширмой... если пона-

добиться, я смогу выбежать в коридор через боковую дверь и затем появиться перед Райтом. Господин Шульц проводит профессора и останется в коридоре.

— Мне придется лежать в этом гробу? — встрепелась Жанна.

— Это никакой не гроб, а самый обычный ящик... Каждый из нас лежал здесь сотни раз, не правда ли, господин Шульц? — соврал Курт, не покраснев. — Ляжешь сюда, когда услышишь шаги в коридоре... Мы подадим тебе знак. Все продлится с минуту, не больше, а я буду рядом...

— Все же как-то...

— Выпей еще коньяку, разогреешься... Я захватил. Это же обыкновенная шутка... как на маскараде. Между прочим, Сара Бернар годами спала в гробу и, не исключено, именно поэтому дожила до почтенного возраста восьмидесяти с лишним лет... и играла до самого конца. Кто знает, что помогает женщинам выглядеть молодо! Вот, посмотри... три тысячи лет, а на вид...

— Ты можешь поменьше болтать? Я уже жалею, что согласилась... Только бы побыстрее... Звони скорее этому чудаку...

— Мы уже звонили. Но даже на автомобиле у него уйдет как минимум двадцать минут.

— И он не узнал твой голос?

— Звонил господин Шульц. Сказал, что слышал какие-то шорохи в кабинете и боится, что это грабители, а ключа у него нет и входить ему не позволено. Полицию он вызвать не отважился, потому что профессор строго-настрого велел обо всем подозрительном прежде всего сообщать лично ему и ждать приказаний.

— Но мне от этого какая выгода? — засомневалась Жанна.

— Можешь еще стать профессоршей Райт, ибо Райт признает в мире единственную женщину — Нефрет. А кто же теперь Нефрет, как не ты?

Видимо, в определенные минуты такой аргумент приобретает большую силу, чем доказательства крупнейших

ученых, которые хотели бы убедить нас в существовании явлений, непостижимых для человеческого разума.

*

Шульц отнес мумию в надежное место — за большую каменную колонну, куда никто, кроме сторожа, долгие годы не заглядывал, а потому и не подозревал, что там имеется ниша, где человек может свободно стоять. Курт несколько раз проверил свое укрытие за ширмой и дверь в боковой коридор, куда мог «в случае чего» выбежать и затем встретиться с Шульцем. Райт, увидев вместо Нефрет незнакомую женщину, поймет, что с ним сыграли злую шутку — и придет в чувство. А если вздумает поднять шум, ему будет нетрудно объяснить, чем может закончиться такой скандал на страницах прессы: реклама для актрисы, отставка для профессора.

«В случае чего» можно будет также найти общий язык с женой Райта, и она повлияет на мужа... А если она не поверит — тем лучше...

Голова Курта бурлила от проектов. Свою необычную идею он приравнивал к научному эксперименту. Если нужно будет, он призовет в свидетели всех своих коллег и докажет, что Райт проявлял все признаки психической болезни, мании. Выход был один — опровергнуть заблуждения профессора смелым ударом... А может, он только сводил счеты с несносным начальником, который все чаще донимал его упреками и утверждал, что он, Курт, не в состоянии справиться с текстами... С тех пор, как Курт познакомился с Жанной — словари, иероглифы, увеличительные стекла над истертыми табличками казались ему просто профанацией драгоценной жизни...

— Как ты себя чувствуешь, Жанна? Уже освоилась с египетской атмосферой? Все это поражает только в первую минуту, а вообще-то ничем не отличается от прозекторской,

где мертвецы лежат, как любые другие предметы. Ты ведь лишена предрассудков, верно?

— Не нужно меня успокаивать... Не знаю, зачем понадобилась твоя шутка, но это уже другой вопрос. Единственная твоя правильная мысль — взять фляжку с коньяком. Меня сегодня мучает жуткая жажда, а воду пить не могу, хоть предложи мне миллион...

— Миллион... ты уже перебарщиваешь... но ты права, в коньяке больше ценных составляющих, чем в воде... Недаром он и стоит гораздо дороже... Твое здоровье! Будь начеку!

*

Все шло так, как и предусмотрел Курт. По крайней мере, до той минуты, когда Райт, запыхавшись, подбежал к двери своего кабинета.

Райт, услышав в телефонной трубке голос сторожа Шульца, сразу понял, что в музей ворвались воры, чтобы похитить Нефрет. У него было много врагов в прессе и среди ученых — почему бы кому-то из них не украсть у ненавистного профессора предмет его опытов?

Мэри хотела ехать с Райтом, но он решительно воспротивился.

— Это дело полиции и женщины там ни к чему! Составят протокол, я подпишу и сейчас же вернусь. Ключ у меня, и я не хочу, чтобы кто-то без меня входил в кабинет.

В машине Райт взвесил все возможности. Не могла ли Нефрет подать признаки жизни в его отсутствие? Если человеческая воля может действовать на расстоянии, то это касается и времени. Между временем и пространством нет принципиальной разницы. Волевые усилия Райта в последние месяцы могли аккумулировать такое количество неведомой энергии, что она стала действовать сама по себе, силой своей потаенной динамики, не нуждаясь больше в пер-

вопричине, то есть его воле. Возможно, он совершил серьезную ошибку, не наблюдая тайком за Нефрет, когда она оставалась в одиночестве. Известно ведь, что самые таинственные явления умерших происходят именно в одиноких, заброшенных домах, когда люди покидают эти места, предоставляя мертвым полную свободу. Когда же в подобных местах появляются ученые или другие скептики, явления, как правило, прекращаются, словно сверхъестественные силы не желают раскрывать свои тайны, доступные лишь горстке избранных, способных проникнуть в законы потустороннего мира.

Райт весь взмок, его мысли метались, догоняя друг друга. В воображении он уже видел новую книгу, которая ошеломит всех его противников доселе невиданным материалом. Если даже такой толстокожий тип, как ни во что не верящий Шульц, слышал в музее шорохи, то нет сомнения...

Шульц ждал Райта у входа в большой коридор. Видно было, что сторож волновался.

— Где? в моем кабинете? — отрывисто спросил Райт.

— Да... но я не посмел...

— Очень хорошо. Дверь взломана? Вы осмотрели замок?

— Замок цел. Но внутри будто кто-то возится... Прошу меня извинить, время ночное, но... долг, господин профессор...

— Можете подождать в коридоре... Я не боюсь и войду один. Воры! Смешно!

*

Поворачивая в замке ключ, Райт не услышал никаких шорохов. Высоко поднял фонарик, осветил всю комнату. Все в порядке, все стоит на своих местах, письменный стол аккуратно прибран... саркофаг? Райт увидел, что Нефрет спокойно лежит в своем гробу, и это сразу его успокоило.

Он механически снял пальто и, как всегда, подошел к саркофагу.

Нефрет окружало необычное свечение. Бывали минуты, когда он видел ее такой в своем воображении, в одиночестве, в бессонные ночи, но никогда — наяву.

Отступил на шаг, словно не доверяя своим глазам. Ему и в голову не пришло зажечь свет. Он привык сидеть здесь в сумраке, размышляя о жизни и смерти. По спине пробежали мурашки, но он знал, что это не страх. Только легкий испуг, который он не мог подавить: страшила мысль, что он недостаточно владеет своими нервами и не может достоверно знать, не изменяет ли ему зрение при взгляде на неподвижные предметы. У него и раньше бывали видения, когда предметы оживали на глазах и он, как Фома неверующий, вынужден был подходить и прикасаться к ним, чтобы рассеять навязчивую иллюзию. Но если живые люди могут обладать всеми внешними признаками мертвых предметов, почему мертвые предметы не могут оживать?

Он машинально придвинул к гробу кресло. Фонарик оставался в левой руке и был направлен вниз, освещая пол. Так врач, помнящий всю картину болезни, садится у постели хорошо знакомого ему пациента и проверяет пульс.

Райт совершенно отчетливо почувствовал, что рука Нефрет стала теплой. Это могло быть, однако, тепло его собственной руки. Он сидел неподвижно. Казалось, ощущал двойной ток крови — своей и ее. Взволнованно закрыл глаза — словно вспоминал такие же ощущения, посещавшие его во время частых ночных сеансов, когда он напрасно пытался различить биение жизни в мягком, холодном и всегда неподвижном теле.

Задумчивость длилась недолго. Его глаза помимо воли открылись и он взглянул на Нефрет. Ее взор — удивительно глубокий в своем покое. Теперь эти глаза были другими... совсем другими. Судорожно сжал фонарик, осветил лицо, заигравшее новыми красками. Одно мгновение — и рука с фонариком упала, как если бы непроизвольное сокращение мышц не позволяло ее поднять.

Боялся выпустить фонарик и руку Нефрет. Так и сидел, не в силах пошевелиться. Поразила мысль, что в эту минуту воплощается в жизнь его вера. Он ни разу не изменил своей вере, но именно теперь его настигли сомнения: не ошибается ли он, не ошибался ли до сих пор?

Рука? — смешно. У Нефрет такие же руки, как у тысяч других женщин, пусть ни одна в ее возрасте не написала своей рукой подобных стихов. Но у нее есть то, чего нет ни у кого, живого или мертвого — сердце, что не умерло, хоть и не жило тысячи лет. Только благодаря этому сердцу она сохранила радость и покой, что жили в ней, когда она ходила по земле.

Райт продолжал судорожно сжимать в руке фонарик — как вор, которого здесь не было. Ему стало стыдно. Так мог представить себе происходящее в кабинете разве что наивный Шульц... Проверять бессмертную жизнь светом фонарика, даже светом самого солнца! — эта мысль показалась Райту святотатством. Он был осиян светом непоколебимой веры. Положил фонарик на стоявший рядом стул, ниже наклонил голову над гробом.

Он столько раз мечтал услышать биение сердца Нефрет, что ощутил бы его даже в развалинах великой пирамиды, в подземелье, без единого лучика света... О, теперь он слышит. Райт сдержал трепетный вздох. Не верил. Еще никогда так явственно не слышал, как бьется сердце Нефрет. Не только бьется — слышно дыхание ее тела.

Закрыв глаза, чуть не лишившись чувств. Страшно было думать, что его вера, его молитвы осуществились. Боялся спугнуть неловким движением переполнявшее его неизъяснимое блаженство. Склонился еще ниже и коснулся губами ее уст.

В тот же миг две длинные руки потянулись к его шее и обняли, словно увлекая вниз, в гроб.

Попытался высвободиться, встать, глянуть, крикнуть: — Нефр...! — и повалился в беспамятстве на пол.

Курт Ремер выбежал из-за ширмы на страшный замерший крик Райта и зажег лампу. Райт лежал вверх лицом, как мертвец. Рядом беспомощно стояла Жанна Бельмар. Актриса сделала патетический жест:

— Все твои шутки! А если он умер, тогда что?!

Курт только отмахнулся и выбежал в коридор:

— Господин Шульц! скорей! профессор упал в обморок, а может, что-то и похуже!.. Принесите воды... спирт, коньяк... я не знаю!

Сторож, сохраняя полное спокойствие, подошел к Райту и приложил ухо к его груди.

— Жив. Нужно положить мумию на место и прибраться, пока он не очнулся... — сказал шепотом Курту. — А господа... — обратился к Жанне.

— Тебе лучше будет исчезнуть, — сказал Курт. — Если придется вызывать врача и тебя здесь увидят... выйдет неприятная история. Как объяснить, откуда ты здесь взялась? Мы двое — другое дело. Господин Шульц, выпустите даму, а здесь управлюсь...

Курт, оставшись один, последовал совету старика. Прежде всего необходимо было навести порядок и расставить все по своим местам. Его больше беспокоил возможный скандал с полицией, которая заведет свои многочасовые допросы с протоколами, чем мысль о смерти Райта. Профессора уже несколько раз находили без сознания в кабинете и все давно свыклись с этими «нервными ударами».

«Если жив, то ничего с ним не случится, а если умер, нечего сразу звать врачей или полицию. Всему свое время», — приблизительно так рисовалось Курту положение дел со сценой, которую он сам же и поставил.

Курт поставил кресло на обычное место, присмотрелся, не видно ли где беспорядка, и стал ждать Шульца. Иногда он склонялся над Райтом и тут же снова выпрямлялся, точно был не в силах решить, выполнять ли ему обязанности

милосердного самаритянина или добросовестного музейного ассистента.

*

Сторож вернулся с готовым планом действий, который тихо изложил, отведя Курта в сторонку:

— Положим мумию обратно и занесем профессора ко мне. А там посмотрим...

Райт не открыл глаза даже в освещенной комнате сторожа и лишь что-то невнятно бормотал.

— Живой, без сомнения. Надо позвонить жене профессора, пусть приедет за ним. Для нее такие истории не в новинку, — сказал Курт.

— А что мы ей скажем?

— Скажем, что вы слышали в кабинете крик, когда проходили по коридору... вы заподозрили неладное... телефонировали мне... когда мы вошли в кабинет, обнаружили его на полу без памяти.

— А если профессор скажет, что кто-то вызвал его сюда по телефону...

— Есть еще время до завтра! Увидим, как будет... откуда мне знать?!

*

Приехав на следующее утро к Мэри, чтобы осведомиться о здоровье профессора, Курт застал в доме врачей. Было не до расспросов. Мэри и врачи тоже не интересовались подробностями предыдущего вечера — очевидно, принимая как данность тот факт, что Райт часто ходил ночью в музей и там находился рядом с Нефрет. Курт и Шульц еще

накануне заявили, что нашли профессора без сознания на полу и больше ничего не знают. Этого было достаточно.

Врачи констатировали сильное нервное потрясение. Состояние Райта вызывало тревогу. Он на все лады повторял имя Нефрет и с большим трудом извлекал из себя отдельные слова. Его отвезли в санаторий для досконального медицинского обследования.

*

Жанна успокоилась, когда Курт заверил ее, что об их тайном визите в музей никто из посторонних не знает. Старик Шульц не выдаст секрет — иначе ему не избежать страшной кары в виде увольнения.

Однако Жанна совсем утратила чувство юмора, узнав, что Райт лежит в санатории и до сих пор ничего не может вспомнить.

— Не люблю таких шуток... Болезнь профессора на моей совести...

С Куртом она стала вести себя холоднее обычного.

— Моя любимая! Такое никто не мог предугадать.... Я думал, что нервы у профессора крепче и он сумеет отличить египетскую мумию от живой молодой женщины! Это лишь доказывает, что он и без того был безумен и нуждался в лечении.

Неделю спустя Райт начал составлять фразы и смог наконец объяснить, что с ним случилось. Он не помнил, почему приехал ночью в музей и сделал ли это по собственной инициативе, но точно знал, что решил, как обычно, осмотреть Нефрет и проверить, не подает ли она признаков жизни.

— Я могу поклясться, что Нефрет пошевелилась в гробу, вытянула руки и обняла меня за шею...

После этого заявления психиатры только переглянулись, пожали плечами и доверительно сказали друг другу:

— Состояние безнадежное.

*

Жанна Бельмар ежевечерне и с большим успехом выступала в ревю. Театр не жалел денег на афиши и рекламу в прессе. Директор говорил журналистам:

— Вы убедитесь, что госпожа Бельмар — своего рода чудо природы. Собственно говоря, она двойник известной всему Берлину и даже всему миру таинственной мумии. Есть некоторые данные, позволяющие утверждать, что Жанна Бельмар — хоть она сама старается это тщательно скрывать — является дочерью одного высокопоставленного лица. Эта знатная особа много лет назад познакомилась с одной выдающейся актрисой... вы понимаете?... господи, безусловно, уже сделали выводы... вкратце: имеются все основания утверждать, что в жилах Жанны Бельмар течет королевская кровь... Лучшим доказательством служит то, что она выказывает в своей роли истинно королевское величие. А ее молодость, грация!.. Ее талант... Я горжусь тем, что счастливый случай помог мне открыть такое дарование, актрису божьей милостью!

*

На сцене в бумажном гробу лежит Жанна и ждет знака помощника режиссера.

При звуках флейты и скрипок просыпается англичанин. Время пришло. Поднимается раскрашенная крышка гроба. Тихо... чуть слышно звенят арфы...

Жанна встает со скрещенными на груди руками. Справа от нее стоит страшная статуя египетского божества. Его глаза смотрят строго.

На стене напротив статуи медленно оживают фигуры фигуры женщин, держащих в руках музыкальные инструменты и корзины с цветами и фруктами. Перед Жанной простирается зал, как длинный и темный бесконечный коридор. Лица, лица, глаза, глаза... без конца. Все сливается в далекую туманную синеву.

Звучит прелюдия к ее танцу. Но она чувствует, что ноги отяжелели, налились свинцом, словно связаны... Она слышит голоса арф, флейт, труб и барабанов. Уже плывет, выгибается в такт, как былинка от дуновения ветра. Упругие, как змеи, руки выются вокруг ее тела — плечей, головы.

В длинной жреческой ризе, медленной степенной походкой, к ней приближается... Кто это? Жанна испуганно отскакивает в сторону... Она видит перед собой Райта... Вскрикнула, зашаталась...

Как она замечательно играет!

*

Режиссер, с согласия директора театра, включил в постановку небольшое нововведение. Артист, который сходил с фрески на стене и оживал в фигуре жреца, обрел неожиданное сходство с Райтом. Характерный излом бровей египтолога был схвачен живо и метко.

Сперва сомневались: «А вдруг профессор Райт подаст на нас в суд?»

— Вы же знаете, что он сейчас в санатории... безнадежно сошел с ума... ему не до судебных процессов... в конце концов, не мешает попробовать.

— Публике это, несомненно, понравится. Все слышали об истории с Райтом.

*

Кто-то в прессе намекнул, что некоторым сценаристам не следовало бы слишком близко придерживаться определенных деталей чужой частной жизни, но первая проба маски Райта на сцене удалась. Впрочем, внимание публики, Мэри и немногочисленных приятелей Райта отвлекло более важное событие, давшее повод к широкому обсуждению и комментариям.

Газеты принесли известие, что ночью кто-то вломился в окно египетского музея с целью грабежа. Вор располагал точнейшим планом всего здания. Прохожие, оказавшиеся поблизости, видели какого-то пьяного или сумасшедшего, бежавшего в сторону музея.

Несколькими часами позже стало известно, что Райт воспользовался минутой, когда смотрительница отошла в другое крыло санатория, осторожно выбрался в коридор, надел чужую шляпу и плащ и вышел на улицу. В санатории были убеждены, что он спит, а он побежал прямо к музею.

Что он там делал — неизвестно. Утром его нашли рядом с гробом. На шее у него висела цепочка с ключиком и маленьким амулетом — символом жизни.

Его уговорили встать и вернуться домой. Райт даже не заметил, что его повезли на прежнее место, в санаторий.

*

Курт встретился с Жанной в кафе: его интересовало, как она восприняла новости о египетском музее и его директоре. Жанна притворялась веселой, но на лицо ее набежала меланхолическая тучка.

— Кто-то проболтался о нашем ночном заговоре — ты или твой сторож... Откуда еще нашему режиссеру могла прийти в голову мысль сделать Сатми двойником Райта?

— Я как-то упоминал об их сходстве в беседе с режис-

сером. Должно быть, сейчас он об этом вспомнил. Самое натуральное свинство... но что люди не сделают ради кассовых сборов?

— Как с профессором?

— Он кажется здоровым, но его мысли крутятся вокруг одной точки: Нефрет. Огорчительно все это. Его мало кто навещает. Даже жена понемногу забывает его...

Жанна замолчала и перевела разговор на успехи египетского ревю и отзывы прессы. Заказала к черному кофе ликер и опять задумалась.

— Что-то ты мне не нравишься, — сказал Курт, внимательно поглядывая на нее. — Твои нервы оставляют желать лучшего.

— Попробуй выступать каждый вечер в такой жуткой сцене с трупами и призраками...

— Вижу, твое отношение к роли со времен премьеры резко изменилось.

— Не только к сценической роли... Кельнер, счет! — внезапно воскликнула Жанна. — У меня еще дела в городе.

*

Жанна не нашла в себе смелости сказать директору, что партнер в гриме профессора Райта действует ей на нервы и что она предпочла бы первую версию постановки. Себе она тоже не осмеливалась признаться, что все чаще думает о Райте и порой чувствует угрызения совести, виня себя в его недуге. Актриса раздумывала, не лучше ли будет открыть Райту правду. Может, он придет в себя... В то же время, она сознавала, к каким последствиям это могло привести: допросы в полиции, а то и судебное разбирательство, увольнение Курта и сторожа, возможно, и потерянный ангажемент в театре.

Но Жанне искренне хотелось помочь Райту. Кто знает, не говорило ли в ней обыкновенное любопытство, желание

еще раз взглянуть на него?..

Это желание было таким сильным, что Жанна решила посетить Райта в санатории.

Для приема гостей были отведены определенные часы и к Райту пускали всех желающих.

Жанна вошла в палату с букетом цветов — как к больному. Она совершенно не ожидала увидеть Райта за столом в окружении нескольких человек. Сделала шаг назад, но было уже поздно. Ей предложили сесть. Среди посетителей была и Мэри. Жанна ее не заметила и, вероятно, все равно бы не узнала.

Райт оживленно беседовал с гостями. Жанна представляла себе свой визит совершенно иначе. Смутилась — не пора ли сделать вид, что она зашла в палату по ошибке и никого здесь не знает? В этот миг Райт оборвал фразу:

— ...и хотя никто мне не хочет верить, я... —

и повернулся к незнакомке. Долго всматривался и вдруг закричал, как бесноватый, бросившись к ней:

— Нефрет! Ты все-таки жива!

Стиснул ее в объятиях и прижал к груди. Жанна попыталась высвободиться:

— Господин профессор!

— Нефрет! где ты пропадала? Как ты можешь так говорить?!

Поднялся переполох. Райт бессильно упал в кресло, тер руками глаза, словно хотел разогнать туман. Его схватили за руки. Прибежал врач. Райт отбивался:

— Пустите меня! вы все обманщики, воры! Нефрет, Нефрет, как ты могла...?!

Жанна, не дожидаясь вопросов, выскочила в коридор и быстро ушла.

*

Врачи никак не могли успокоить Райта. Он метался, крича:

— Почему она не пришла с лотосом? Зачем вы ее переодели?!

На него пришлось надеть смирительную рубашку, как поступают со всеми больными, способными в безумии убить себя или других.

Райт корчился и ревел:

— Нефрет, Нефрет! Здесь твой Сатми!

*

В прессе появились заметки. В них говорилось, что профессор Райт сошел с ума.

По соседству другие — о его скандальном романе с артисткой кабаре.

Намечали кандидатов на его должность. Мэри подала на развод.

Райт известил, что готовит новую книгу о том, как он воскресил Нефрет.

Приложение

ВАСИЛИЙ МАСЮТИН ВОСКРЕШАЕТ ЕГИПЕТСКУЮ ПОЭТЕССУ

(В. Масютин: «Царевна Нефрет», повесть в двух томах с иллюстрациями и обложкой автора. Библ. «Дела»)

Перед войной «Дело» опубликовало огромную повесть Болеслава Пруса «Фараон», ныне давно разошедшуюся. Это было маленькое литературное событие.

Прус по примеру Флобера пробовал воссоздать забытую египетскую культуру, с некоторыми ее проблемами. Когда мы примерно в те же времена читали «На камне» Коцюбинского, вряд ли кто-нибудь мог подумать, что какой-либо наш писатель вскоре возьмется за повесть из любой чужой старины, не имеющей ничего общего с нашей историей. Несколько повестей наших советских писателей, фоном для которых служит жизнь далеких от нас и т. наз. «экзотических» народов, появились не в результате чисто художественных побуждений, а под влиянием актуальных вопросов.

Но вот наш известный художник Василий Масютин воскрешает Египет в связи с знаменитыми раскопками лорда Карнарвона и Картера. Всем памятни сенсационные сообщения в прессе о мести жившего много веков назад Тутанхамона, о том, как исследователи гробницы фараона умирали один за другим. Появилась обширная археологическая литература о новооткрытых памятниках египетской древности. Масютин, постоянно живущий в Берлине, несомненно обратил внимание на великолепный портрет — каменную голову царицы Нефреты в берлинском музее — и заинтересовался Египтом. Когда в этом году художник приехал на короткое время во Львов, он привез с собой много профессиональных книг по египетской истории, чтобы доказать нам, маловерам: написанная им повесть — не плод досужей фантазии, а результат скрупулезных исследований. Ясно, что материалы, которыми пользуется повествователь, всевозможные «фактические данные» — это только вспомогательное средство и от их ценности или оригинальности не зависит ценность и оригинальность повести. Однако В. Масютин — необыкновенно подвижный ум, обладающий познаниями в различных сферах науки, творчества и жизни; он меняет кисть на перо не для того, чтобы попробовать свои силы еще в одной области, исходя из ложного представления о своих талантах, — нет, он владеет пером лучше, чем не один наш «профессиональный» или «признанный» писатель и в своих сочинениях всегда умеет сказать что-то новое и всесторонне обдуманное.

Его египетская повесть «Царевна Нефрет» не обременена излишним грузом ученой эрудиции, скучных описаний и философических рефлексий. Это история о молодом немецком профессоре, который так увлекся найденной им мумией, что вне ее весь мир перестал для него существовать. Напрашивался вопрос к Масютину: «Почему вы не сделали героем своей повести какого-нибудь нашего земляка?» На это у него имелся готовый ответ: «А почему у нас действующими лицами должны быть только “свои”? Разве иностранные авторы пишут исключительно о своих краях? Действующие лица зависят от сюжета и окружения». Здесь

можно добавить, что Масютин ранее уже издал на немецком языке свою первую повесть и, зная наши издательские обстоятельства, думал в первую очередь об иностранных издателях.

Нашему читателю не раз покажется, что перед ним иностранное произведение. Если большинство и увидит в этом повод для упрёка автору, нет сомнения, что найдется немало культурных и воспитанных на хорошей литературе читателей, которые сочтут это впечатление лучшим комплиментом для писателя. Нашим книгам ничего так сильно не хватает, как тех черт, благодаря которым иностранные произведения вытесняют родные книги из домов и рук нашей интеллигенции.

«Царевна Нефрет» — история любви длиной в 3000 лет; она мало напоминает те современные любовные истории, что нас привлекают и увлекают или отвращают и отталкивают от книжек с одними и теми же вечно повторяющимися мотивами. Герой этой повести, увлеченный древней египетской культурой, чьи ценности сложились благодаря совершенно иным принципам религиозного и гражданского воспитания, — отвернулся от современности, в которой жил. Его жизненная трагедия открыла ему удивительную форму красоты и довела его до грани, за которой человек утрачивает ощущение действительности.

В. Масютин сумел достичь в своей повести того уровня, когда писатель старается быть как можно простым и ясным, пренебрегая всем, что относится к эффектным искусственным украшениям. Несомненно, каждый, кто ощутит волшебство этой простоты, будет с нетерпением ждать выхода второй части повести.

*М. Р. [Михаил Рудницкий]
Діло (Львов). 1938. № 252, 13 ноября.*

Примечания

С. 24. ...»Убиган» — известная и существующая до сих пор французская парфюмерная компания, основанная в 1775 г.

С. 24. ...«бубикопф» — от нем. *Bubikopf*, женская стрижка «под мальчика».

С. 39. ...Гейнсборо — Томас Гейнсборо (1727-1788), знаменитый английский живописец, известен своими портретами и пейзажами.

С. 46. ...ольстер — длинное широкое пальто с поясом и отстегивающимся капюшоном.

С. 76. ...Нитокрис — Последняя царица VI династии, заключающей египетское Древнее Царство; исторический характер сведений о ней ставится под сомнение. С Нитокрис позднее стала ассоциироваться рассказанная у Страбона (I в. н. э.) история замужества греческой гетеры Родопис (известная нам в позднейших версиях как сказка о Золушке), рассказанная ниже.

С. 83. ...Нойбабельсберге — Нойбабельсберг — район богатых вилл в Потсдаме; в 1920-х гг. по соседству располагались съемочные павильоны киностудии UFA.

С. 84. *Мне песни известны...* — Из «Похвалы смерти». Пер. В. Потаповой.

С. 90. *Тела жен знатных людей...* — Геродот, «История», II: 89. Пер. Г. Стратановского.

С. 91. ...*idée fixe* — идея фикс, навязчивая идея (*фр.*).

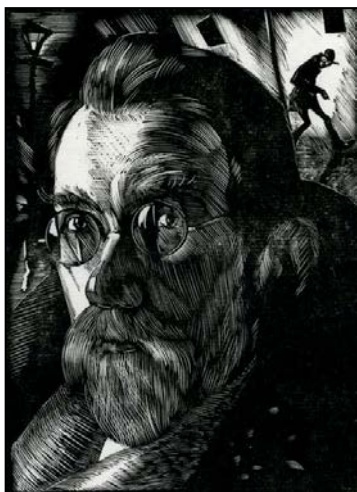
С. 107. *Сара Бернар годами спала в гробу...* — Это не выдумка Курта, а действительный факт из биографии выдающейся французской драматической актрисы С. Бернар (1844-1923).

М. Рудницкий. Василий Масютин воскрешает...

М. И. Рудницкий (1889-1975) — украинский литературовед, писатель, поэт, критик.

С. 123. ...«*На камне*» Коцюбинского — «На камне» (1902) — рассказ украинского классика М. М. Коцюбинского (1864-1913) из жизни крымских татар.

БИОГРАФИЧЕСКИЙ ОЧЕРК

Василий Николаевич Масютин (1884-1955) родился в Риге в семье полковника Н. Масютина (1844-1917) и дочери настоятеля Рижского кафедрального собора Людмилы Князевой. Окончил Киевский кадетский корпус и Михайловское артиллерийское училище в Петербурге. В 1907 г. вышел в запас в звании подпоручика и в 1908 г. поступил на живописное отделение Московского училища живописи, ваяния и зодчества, окончив курс в 1914 г.

В ранние годы творчества создал циклы зачастую фантастических рисунков и офортов: *Семь смертных грехов* (1907-1908), *Грех* (1909), *12 офортов* (1910-1911), участвовал в многочисленных выставках.

В сентябре 1914 г. Масютин был мобилизован и около двух лет провел на фронте. После демобилизации вернулся в Москву и в 1918 г. стал профессором Государственных свободных художественных мастерских. В декабре 1920 состоялась персональная выставка в Гравюрном кабинете Румянцевского музея.

В конце 1920 г., приняв латвийское гражданство, художник эмигрировал с женой и дочерью в Ригу, с 1921 г. жил в Берлине.

В двадцатых годах Масютин иллюстрировал многочисленные немецкие издания русских авторов от Пушкина до Ремизова, опубликовал собственные книги *Гравюра и литография* (1922) и

Томас Бьюик: художник-гравер. Опыт характеристики мастерства гравюры и критический обзор (1923). В 1925 г. на немецком языке под названием *Der Doppelmensch* вышел роман *Два из одного* (украинское изд. *Два з одного* вышло во Львове в 1936 г.); известны также иллюстрации Масютина к собственному роману *Дни творения*.

Художник участвовал в выставках русского искусства в Гааге (1924), Нью-Йорке (1924), Берлине (1929, 1930), Париже (1931), Праге (1930), Градец Кралове и Брно (1931-32), в ежегодных выставках Общества берлинских художников. После отъезда Масютина за границу его работы продолжали появляться на графических выставках в СССР, а в 1928 г. в Ленинграде в Обществе поощрения художеств состоялась персональная выставка.

В 1930-1940-е Масютин занимался прикладной графикой, исполнял обложки, торговые марки, этикетки, афиши, рекламные плакаты, писал маслом портреты и натюрморты, занимался скульптурой, публиковал в журнале *Gebrauchsgraphic* офорты и статьи о русских художниках. Одновременно он сблизился с украинскими эмигрантскими кругами, создал ряд медалей и скульптурных портретов украинских исторических деятелей, вошел в Ассоциацию независимых украинских художников.

В июне 1945 г. Масютин был арестован в Берлине советскими властями по обвинению в украинско-националистической деятельности и провел 15 месяцев в лагере Хоэншпонхаузен. После освобождения получил от советских властей заказ на сооружение памятника М. И. Глинке на Русском кладбище в Берлине и на скульптурное оформление нового здания советского посольства (для которого выполнил ряд фигур и рельеф герба).

В литературе о Масютине повесть *Царевна Нефрет* датируется 1919-1920 г., однако ряд деталей (упоминание открытия гробницы Тутанхамона, смерти лорда Карнарвона, спекуляций вокруг «проклятия фараонов» и т.д.) позволяет сказать, что повесть по крайней мере переделывалась или дописывалась после 1923 г. в надежде на немецкую публикацию. Однако надежды Масютина не осуществились, и в 1938 г. повесть вышла на украинском языке во львовском издательстве «Діло» под названием *Царівна Нефрета*. По этому, единственному доступному, изданию и осуществлен настоящий перевод.

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

Настоящая публикация преследует исключительно культурно-образовательные цели и не предназначена для какого-либо коммерческого воспроизведения и распространения, извлечения прибыли и т.п.

SALAMANDRA P.V.V.